КРОКОДИЛ

№ 9
МАРТ 1971

О ВРЕМЕНИ

НА СТАРТ!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Николай ГРИБАЧЕВ,
делегат XXIV съезда КПСС

ВРЕМЯ И МЫ

Говорят, что время — самая хитрая штука на свете: когда его нет, не знаешь, где достать, когда его слишком много, не знаешь, куда девать. Поэты намекают, что его, как ветер, не удержишь в ладонях, а прозаики — что оно лечит сердечные недуги. Геологи отмечают, что оно рушит горы, а астрономы — что рождает новые и сверхновые звезды. Свои соображения относительно времени изложил в изящной формуле и один тунеядец, сбывший по дешевке часы жены для обеспечения выпивки: «А нам оно до лампочки!»

Американцы решительно утверждают, что время — это деньги. Но так как в результате военных авантюр доллар переживает инфляцию, их время на мировом рынке падает в цене. Специалисты полагают, что для его обеспечения не хватает не столько золота в подвалах форта Нокс, сколько политических и духовных ценностей. Озабоченная вашингтонская администрация дает заверения, что исправит положение, но ни словом не уточняет, как собирается она это делать. Может быть, чтобы поспеть за социальным прогрессом века, попытается толкать стрелки часов руками!

Существуют еще разные способы оценки времени и обращения с ним. Есть, например, крупные специалисты, овладевшие уголовно ненаказуемым способом убивать время: приехав в санаторий на юге, они, презрев солнце и море, собираются в холле и с утра до полуночи делают это посредством преферанса. Остается тайной, не приоткрытой пока ни одним модным социологическим опросом, почему едут они убивать время в санатории, а не делают то же самое дома.

Особо панибратские отношения со временем у бюрократов и перестраховщиков — вместо того, чтобы решать вопрос самим, для чего они и занимают соответствующие кресла, пускают они бумаги на разные согласования под лирические напевы: «время терпит», «в свое время решим», «со временем разберемся».

Странную картину — вроде лунного пейзажа с кратерами и черными провалами — являет собой время тех дядечек, которые в пятницу с обеда начинают готовиться к выпивке (тут уж не до работы!), а в понедельник до обеда (и тут тоже не до работы!) выветривают хмель. В Австралии это называется красиво и точно — «свиньи к корыту». Есть предложение пройтись по этому «пейзажу» основательным катком общественной и служебной дисциплины. Но есть мнение и противоположное — за счет автоматизации и механизации, предусмотренных в девятой пятилетке, освободить этим дядечкам для любимого занятия и первую половину недели. Без сохранения зарплаты, разумеется.

Однако самые изящные формы перевода времени на мыльные пузыри придумали дома моделей, вовлекая великое множество граждан и гражданок в обсуждение эпохальных проблем модного цвета на будущий летний сезон и драматических перипетий треугольника мини-миди-макси. При этом для пущего накала страстей пускаются в ход заклинания и мистика — вроде утверждения, что мода неуправляема и образуется сама собой, решительно из ничего. Выскакивает, как джин из бутылки.

Физики знают, какие силы действуют в атоме, астрономы — природу квазаров, а вот механизмы и силы моды разумом непостижимы. Правда, сведущие люди указывают, что за изобретение мини-юбки лондонская модельерша получила не то лордство, не то пэрство, а макси-юбками пытается взять реванш у англичан проигрывающий французский король текстиля и одежды Марсель Буссак. Но до наших теоретиков моды эти сведения, видимо, еще не дошли. Везут на волах: цоб да цобе...

Вот какие шуточки и штучки выделываются со временем.

Но пена, хотя она и является признаком воды, еще не сама река. Она может рождаться и на мелких ручейках, способных крутить разве что детские мельницы, и на болотах. Река времени в нашей народной и государственной жизни — как Волга: сегодня она за счет разумных трудов наших многоводнее, чем когда бы то ни было за всю историю. Тащит на себе и тяжелые грузовые суда и белые прогулочные пароходы, рождает и многообильную жизнь на полях и нивах и фантастическую энергию на турбинах гидростанций. Широкая, играющая всеми красками, она гремит на радость влюбленным соловьиной песней, встречает сотни тысяч людей, устремляющихся к ленинским местам, и космонавтов, возвращающихся с седьмого неба. Увлеченные всем многообразием жизни, от трудной работы до подлинно красивой одежды, от творческого напряжения до подлунных вздохов, мы делали и делаем все, чтобы река нашего времени, протекая по руслу, проложенному директивами Коммунистической партии из пятилетки в пятилетку, становилась шире, богаче, прекраснее.

Однако ж при всем том надлежит нам и поберечься от идилличности, слишком ограничительно истолковав формулу «время работает на нас». Философия определяет время как одну из основных форм существования материи, и уже только потому оно ни на кого работать не нанималось. Вашингтон отдал бы весь золотой запас, а португальские правители — последние штаны, чтобы подрядить время ставить палки в колеса истории, в колеса коммунизму и освободительным движениям. Но оно, время, к ним в наемники не идет. Оно является непримиримым противником тех, кто пытается превратить быструю реку в стоячее болото, и могущественным союзником тех, кто на путях разума и свободы борется и работает во имя развития личности народа, человечества. И поэтому оно наш союзник! Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть, какой огромный путь — от полуграмотной России до мировой сверхдержавы — прошли мы за короткий срок, достаточно посмотреть, какие под прямым и косвенным влиянием нашей революции произошли перемены в мире. И если в этом смысле время действительно поработало на нас, то это только потому, что сами мы не за страх, а за совесть поработали на время.

Нет, честное слово, превосходная у нас, вдохновляющая река времени! И уж, без сомнения, мы постараемся уберечь мощные сверкающие воды ее и от доморощенных мусорщиков и от западных отравителей!

НА ЧАСАХ... Рисунок М. ВАЙСБОРДА

ИНТЕРВЬЮ С ДЕЛЕГАТАМИ СЪЕЗДА

З. ПУХОВА,
ткачиха Ивановской фабрики имени Балашова

Что мне рассказать о себе? После 7-го класса пошла учиться на ткачиху. В 1966 году за успехи в работе и освоение нового оборудования удостоена звания Героя Социалистического Труда. В том же году была избрана депутатом и членом Президиума Верховного Совета СССР. А больше и рассказывать нечего. Биография самая обыкновенная.

Что могу припомнить смешного? Мне довелось побывать в некоторых капиталистических странах, и тамошние журналисты часто меня смешили. Интересовались, например, почему я, член правительства, живу не в Кремле, а в Иванове. Почему работаю на фабрике. Как меня называют дети — мама или Зоя Павловна, и так далее. А некоторые даже отказывались верить, что я ткачиха. Что ж, говорила я, давайте мне ткацкий станок, и я покажу, что умею.

С каким настроением еду на съезд? С самым хорошим. Свою пятилетку я завершила еще в декабре 1969 года. Выполнила и предсъездовские обязательства. Отрадно, что в Директивах предусмотрено дальнейшее увеличение выпуска тканей. Это меня радует и как члена правительства и, конечно, как ткачиху.

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Х. ПАЛВАНОВ, бригадир механизированной бригады колхоза имени Ильича, Андижанской области

У нас недаром говорят: сбережешь минуту — выиграешь час, час сэкономишь — месяц обгонишь... Вот так, сберегая минуты, моя бригада вырастила по 31 центнеру хлопка на каждом гектаре. Лично я собрал с помощью верного друга — хлопкоуборочной машины 521 тонну хлопка за сезон. А за минувшую пятилетку — 2 190 тонн.

Когда-то считалось, что на Востоке люди медлительны и неторопливы. Посмотрели бы вы, в каком темпе работают теперь труженики нашей области! А как быстро строят у нас дома, клубы! Кажется, совсем недавно в кишлаке было множество кибиток-развалюх. А сейчас? Красавцы дома с газом и электричеством. Магазины, в которых можно приобрести и автомашину и мотоцикл,— тоже знак быстрого темпа, которым нынче живет колхозное село...

Еду в Москву, на съезд. И озабочен тем, чтобы на все хватило времени. На знакомство с хлеборобами и хлопкоробами других республик. На осмотр дорогой сердцу Москвы. На приобретение подарков моей семье — у меня ведь, кроме жены, еще девять душ в доме: и каждого надо порадовать чем-то. Так что и в Москве мне времени хватать не будет...

— Часы у нас украл!
— Какие часы?
— Рабочие!

Рисунок
Е. ГУРОВА

Мих. РАСКАТОВ

ТИК-ТАК...

Известно каждому из нас
Давно и наперед,
Что значит день,
Что значит час
И что такое год.

Идут часы за шагом шаг
Сквозь дни
и сквозь года —
Один «тик-так»,
другой «тик-так»
Уходят навсегда.

Ну что «тик-так»?
Да так — пустяк,
Мелькнул — и стерся след.
Но скрылся «тик»,
Промчался «так» —
И вот секунды нет.

Иной секундой
будешь горд
Всю жизнь свою сполна:
Она — аккорд,
Она — рекорд,
Событие она!

Но кто-то, щедрый
и лихой,
(Да что там говорить!)
Умеет, словно шелухой,
Секундами сорить.
И в кабинете пребывать
Солидно может он:
Тик-так — курить,
Тик-так — зевать,
Тик-так — считать ворон.

Его за это не секут,
Не мальчик он, о нет —
Почти что
миллиард секунд
Прошло за тридцать лет.

Хоть до сих пор
он не постиг,
Что значит «тик» и «так»,
Но получает этот тип
За каждый миг —
за каждый «тик»,
А вовсе не за так!

Л. ЛОГИНОВ

СИТУАЦИЯ

— Завтра Шурику стукнет шесть лет,— сказала мне жена.— Он решил позвать в гости кое-каких ребят со двора. На чай с пирожными. Что ты думаешь по этому поводу?

— Завтра? — спрашиваю я. — Завтра ничего не получится. Завтра я собирался провести небольшое совещание. По качеству. До обеда... Это на кухне. А в столовой будет работать группа экономистов. Надо срочно план сверстать на следующий год. С этим планом нас просто замучили. Дальше тянуть невозможно...

— Может быть, тогда в среду? — говорит жена.— Пусть эти сорванцы попьют чаю, съедят пирожные и немного поиграют.

— В среду? — говорю я и начинаю просматривать свои деловые записи.— В среду хозактив. Все будет занято. Все три комнаты и кухня. Даже в коридоре придется поставить стулья. И к тому же это надолго. Уже сейчас для выступления в прениях записалось человек пятнадцать. Только я сам собираюсь говорить не менее полутора часов.

— Положение просто отчаянное,— расстраивается жена.— Дело в том, что в пятницу всех этих детей вывезут на дачу. Так что последний день — это четверг. Посмотри, что у тебя намечено на этот день.

Я опять листаю свой деловой блокнот, нахожу нужную страничку, просматриваю записи и грустно говорю:

— Бедный Шурка! Не знаю, как ему помочь. Четверг тоже забит до отказа. Дела мелкие, но зато их много. Отчет по командировке. Это с утра в столовой. На кухне будет работать группа чертежников. Надо кое-что срочно дочертить. Потом балансовая комиссия... Четверг занят весь.

— Может быть, кое-какие дела удастся сделать на работе? — робко предлагает жена.

— Вряд ли,— говорю,— мне помнится, что четверг и там забит до отказа.

Я снова достаю свой блокнот. Опять начинаю его листать, нахожу нужную страничку и внимательно ее просматриваю.

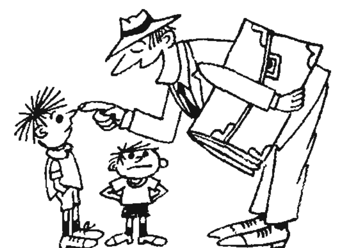
— Как нарочно,— вздыхаю я,— все занято. Не везет нашему Шурке. В производственном отделе старший экономист квартиру получил. Празднует. В плановом — у начальника отдела внучка в институт поступила. Он уже и магнитофон принес. Столы сдвинули. Бумаги убрали. Там, сама понимаешь, делами заниматься невозможно. В техническом отделе не один праздник, а целых два. Свадьба и день рождения. Они там флажки развесили, фонарики. Часть мебели в коридор вынесли. В отделе снабжения именины. Все столы продуктами завалены. Пахнет колбасами... Там тоже нельзя.

Я закрыл свой деловой блокнот и с сочувствием посмотрел на жену.

— Что же делать? — прошептала она.— Как все это объяснить Шурику? Чем его утешить?

— А мы ему вот что скажем: «Не расстраивайся, Шурик! Вырастешь большой. Станешь работать. И там, на работе, без всяких особых затруднений будешь отмечать все свои дни рождения и другие приятные события. А сейчас это невозможно. Такая складывается ситуация!»

г. Москва.

ОТ МАРТА К МАРТУ

Вопреки утверждению известного сатирического персонажа этот календарь предельно точен. Издан он в 910 году от принятия христианства на Руси, на 832 году существования Минска и, наконец, на 4-м году царствования Николая II...

Любителям старины не надо напрягать память. Все эти даты значатся на титуле «Памятной книжки и календаря Минской губернии на 1898 год», утвержденного самим генерал-губернатором князем Трубецким.

Тут все на месте — цифра к цифре, дата к дате, фамилия к фамилии. Минский обыватель мог почерпнуть отсюда немало полезных для повседневного обихода сведений, начиная с дней тезоименитств их императорских величеств, а также их братьев, сестер, дядек и теток (а семейка расплодилась немалая — 54 великокняжеские единицы) и кончая таксой легковых извозчиков (в весеннюю и осеннюю распутицу каждая ездка на 10 копеек дороже). Обыватель мог с удовлетворением узнать, что его крупный губернский город, насчитывающий 91 113 жителей, располагает одной казенной больницей на 70 коек, мужской гимназией, реальным училищем и духовной семинарией, а также 47 предприятиями со средним числом рабочих 20 человек.

Интересующийся нравственной стороной дела мог поразмышлять над фактами другого порядка. Он мог бы прочитать в «Минский листок» с его аршинными объявлениями о том, что «портной Л. Захаржевский имеет большой выбор английских и французских новостей», что «городское полицейское управление разыскивает бывшего арестанта Садовского, на котором числится недоимки 10 копеек кормовых», и что «ударом грома убит рядовой 118-го Шуйского полка Антон Матюшов». Листок не был чужд и изящной словесности. Вот ее вызывающий улыбку образец: «Еще взойдет одна заря и совершится обрученье главы святого учрежденья и брата русского царя. Да возвеличится их род, да славны будут дети, внуки, потомство их да процветет, живя в здоровье, и к науке...»

Да, немало любопытного можно почерпнуть, листая ветхие страницы. Но главное — то, ради чего я предпринял изыскания в библиотеках и архивах Минска,— сразу не отыскивалось. А искал я упоминание двух фамилий: пана Ржецкого и надворного советника Петра Васильевича Румянцева. Первый из них был средней руки минским домовладельцем, а второй — контролером Либаво-Роменской железной дороги. Именно он арендовал в 1898 году у пана Ржецкого половину небольшого деревянного домика по улице Захарьевской, 135. Почти окраина города, на самом берегу реки Свислочи. По ночам темно, тревожно. Правда, в нескольких шагах, через дорогу — отряд конных жандармов. Так что дом был, можно сказать, под надежной охраной.

Именно здесь 1 марта 1898 года праздновали день ангела жены Румянцева — фельдшерицы Евдокии Борисовны. Гости с виду — вполне благонадежные господа. Правда, не много их, всего девять человек. Но как удивились бы конные жандармы, если бы узнали, что они прибыли из разных городов России по чужим документам и видят виновницу торжества впервые!

Впрочем, именины были как именины: праздничный стол с самоваром и картами. Только на всякий случай сняты вторые рамы с окон, что смотрят в лес, да не гаснет огонь в печке: вдруг понадобится сжечь бумаги...

Так открылся Первый съезд РСДРП. Девять делегатов от первых коммунистических организаций России избрали тогда первый Центральный комитет в составе трех человек.

3 марта после заключительного заседания, на котором приняли исторический «Манифест», был устроен прощальный вечер. Даже с художественной частью: Евдокия Борисовна и один из делегатов, С. И. Радченко, пели украинские песни. Хозяин дома Петр Васильевич Румянцев провозгласил тост: «Пусть дитя, рожденное в этом доме, будет сильным и крепким, как Геркулес, и сокрушит двуглавую гидру».

У делегатов было приподнятое настроение. Они шутили, смеялись. И хотя через две недели почти все они были арестованы, их улыбка, как золотое наследство, перешла к сыновьям.

Взгляните на этот снимок. В этой комнате, где проходил I съезд партии, точно так же когда-то, может быть, стояли и улыбались их отцы — делегат от екатеринославских рабочих Казимир Петрусевич и хозяин квартиры Петр Васильевич Румянцев. 70 лет спустя в домике-музее встретились известный варшавский ученый, академик Польской Народной Республики Казимир Петрусевич-младший (слева) и подполковник-минчанин Владимир Петрович Румянцев. Они познакомились четыре года назад. Но оказалось, что могли встретиться на четверть века раньше. Встретиться на партизанских тропах Белоруссии. Казимир Петрусевич сражался под командованием прославленного Кирилла Орловского, а Владимир Румянцев был начальником разведки отряда имени Чапаева.

Встретившись, они вспоминали многое. И тяжелые, трудные годы, боевые дела и боевых друзей, и смешные истории, которые порой заменяли еду, сон, костер и махорку...

Ветераны до сих пор хранят в памяти веселое и убийственно точное слово Малой Партизанской Энциклопедии. Она печаталась в сатирической газете-плакате ЦК Компартии Белоруссии «Раздавим фашистскую гадину!», которая, как известно, потом была преобразована в сатирический журнал «Вожык».

Березина, например, для партизан была не только географическим понятием, а, согласно Энциклопедии, «белорусской рекой, по которой в мирное время сплавляют лес, а в войну — захватчиков». Вилы — тоже, не всегда сельскохозяйственный инвентарь, но и «средство разговора с оккупантами». А мост — «место переправы фашистов с этого на тот свет...»

Владимир Петрович вспоминает, как однажды находчивость и шутка помогли партизанам без единого выстрела захватить гарнизон полицаев. В руки разведчиков попал крупный чин районной полиции. И тогда возникла дерзкая и озорная идея — поехать под видом инспекционного отряда вместе с этим чиновником в один из сельских гарнизонов. Инсценировка удалась на славу. Ничего не подозревавшие полицаи выстроились к приезду своего начальника. Партизаны не спеша обошли строй, под видом проверки отобрали у полицаев оружие, а потом тем ничего не оставалось, как поднять руки под общий смех партизан.

— Взрыв смеха сродни термоядерной реакции,— утверждает делегат XXIV съезда КПСС президент Академии наук Белоруссии Николай Александрович Борисевич.— При желании можно даже, наверное, вывести формулу. Я физик, математик, человек одной из самых серьезных профессий, но понимаю силу смеховых приемов. В феврале 1945 года я в составе небольшой группы артиллеристов-разведчиков 539-го гаубичного артполка 12-й артдивизии находился на пятачке — плацдарме у города Лебус. Немцы жмут, пытаются сбросить нас в Одер. Головы не поднять. И вдруг приказ: рядовому Борисевичу с вещами перебраться на восточный берег в штаб артполка. Переправляюсь ночью под пулями, являюсь к начштаба. Строгий такой майор. Разговор короткий: поедешь на артиллерийские офицерские курсы. Через час отъезд. Понял?

— Так точно,— отвечаю,— понял. Только не поеду.

— Почему?

— Не хочу быть артиллеристом. Хочу быть физиком и математиком. Это моя мечта.

Майор сначала уговаривал: курсы годичные, а войны осталось на два-три месяца. Потом перешел на приказной язык. Тогда я ответил, что нарочно провалю вступительные экзамены, и ему же, начштаба, будет нагоняй за бестолкового кандидата... В общем, исчерпав весь запас добрых и сердитых слов, майор в конце концов не выдержал, сдался: хорошо, ступай в таком случае на свой плацдарм!

Смеялись мои друзья, когда я, вернувшись к ним, рассказал о несостоявшейся учебе. Это был очень дорогой смех в нескольких шагах от врага! Кстати, мы, однополчане, снова смеялись по тому же поводу, собравшись год назад в Москве, у Большого театра. Мы спрашивали друг друга: «Ну как, ты нашел свой плацдарм?». Да, все мы нашли свой трудовой плацдарм. Был двадцать пятый мирный май. И мы смеялись, как тогда, на огненном клочке земли...

Мысль о неотразимой силе юмора услышал я и от другого делегата XXIV съезда партии — ткачихи Минского тонкосуконного комбината Варвары Михайловны Соломахо. 20 лет на производстве — пришла неумелой девчушкой, а теперь знатный человек — орден Ленина на груди, депутат райсовета, член обкома партии. Но как десять и двадцать лет назад — душа клубных «Огоньков», неистощимая на выдумки...

— Вы не слышали новую песенку про серого козлика? Нет? Я пела ее на нашем новогоднем вечере, а припев подхватывали все. Это песенка про нарушителей трудовой дисциплины, не дающих житья окружающим... Веселая песенка и ядовитая. Вот так и воспитываем людей — убеждением и юмором. Я, может быть, потому так люблю смеяться сейчас, что в детстве не знала улыбки. Отец погиб в партизанских боях. А я в первый класс пошла десяти лет. Тогда в чуть ли не единственной сохранившейся избе собрали нас, ребятишек, и учительница начала первое занятие с народной шутки: человек неученый, что топор неточеный. Вот с тех пор все, так сказать, и затачиваюсь... На комбинате окончила среднюю школу, заочный техникум легкой промышленности. Сама оттачиваю знания и ремесло и детишкам своим помогаю. И тоже напоминаю им веселую народную мудрость о неточеном топоре.

...Жива улыбка делегатов I съезда партии. Она светится, пульсирует в жизни, в труде их преемников, которым подчиняется время.

Им. ЛЕВИН

Минск — Москва.

Рисунок Е. ШУКАЕВА

— Театр? Выставка? А где на это время взять?

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

И. ТЕРЕЩЕНКО,
старший горновой Днепропетровского металлургического завода имени Петровского

Время, по-моему,— это самое дорогое, то есть то, чего не вернешь. А боремся мы с его потерями при помощи скорости. Выпуски чугуна даем через два часа, паузы истребляем беспощадно. Таким путем наша бригада только за год выплавила дополнительно четыре тысячи тонн металла. Так и живем. В темпе! Иначе нельзя. Иначе отстанешь и от пятилетки и от друзей-товарищей.

Нашей бригаде надо было завоевать звание «Имени XXIV съезда». Как это сделать? В темпе! К тому же надо учиться, потому что нынче одной пикой возле домны не управишься. К тому же надо выполнять общественные поручения. А хорошо поработав, надо к тому же хорошо отдохнуть у реки, сходить в театр, прочитать книгу... В темпе, в темпе, в темпе!

С. КУЗНЕЦОВ,
начальник Северного морского пароходства

Наше пароходство пополнило ряды долгожителей — ему идет 101-й год. Пять лет назад средний возраст судна был равен тридцати—сорока годам. За пятилетку флот получил семьдесят новых судов. Ныне он самый молодой в стране. А так как и экипажи новых теплоходов состоят у нас из молодежи, то мы вправе сделать вывод: чем дольше живем, тем больше молодеем.

150 наших кораблей бороздят воды мирового океана. Только в прошлом году они заглянули в 317 портов пятидесяти стран земного шара.

Важным достижением минувшей пятилетки мы считаем освоение погрузки леса пакетами. Если до последних лет беломорскую доску грузили в трюмы поштучно, то теперь, так сказать, пачками. Это позволило ускорить, например, рейсооборот Архангельск — Лондон в два раза.

В девятой пятилетке мы получим еще 50 новых судов-пакетовозов. Значит, станем еще моложе. Наперекор быстротекущему времени!

Г. ПОДКУПНЯК

Вам назначено...

В нашем НИИ нет человека симпатичней и печальнее Машеньки.

Машенька — секретарь начальника отдела товарища Болдунова, и глаза у нее всегда, как говорят, на мокром месте.

Мне даже через очки больно смотреть на то, как Машеньку деньденьской изводят настырные посетители и резкие, как дробь барабана, телефонные звонки. Всем хочется знать, где наш шеф и когда он будет на месте.

— Откуда я знаю? — чуть не плача, отвечала Машенька.— Он мне не докладывается.

Раздосадованные товарищи, окатив Машеньку презрением, со вкусом хлопали дверью.

— Эх, Машенька,— вздохнул я.— Разве так отвечают?

— А что? — обиделась она.

— Знаете, как поставлено дело у капиталистов? Об этом наша пресса писала. Там секретарь всегда все знает: «Мистер Смит на совещании и будет в четырнадцать ноль-ноль. Если вас это не устраивает, по интересующему вас вопросу обратитесь к мистеру Джонсу, тридцать второй этаж, первая дверь налево». Вот так, Марья Павловна.

Это Машеньке понравилось, и на следующее утро она перехватила убегавшего Болдунова.

— Петр Сергеевич!—сказала она.— Одну секундочку!

— В чем дело?—недовольно спросил Болдунов.

— Не могли бы вы мне сообщить, когда вернетесь? Все интересуются, а я толком не знаю. Неудобно получается. Не соответствует мировым стандартам.

Болдунов задумался. Ему тоже хотелось быть на международном уровне.

— Отлично,— сказал он.— Я буду в десять тридцать.

Машенька была в восторге.

— Начальник примет вас в десять тридцать пять,— отвечала она по телефону.— Не опаздывайте.

— А вас,— стоящему перед ней,— в десять пятьдесят.— И делала пометку в календаре.

Ошалев от такой пунктуальности, люди внутренне подтягивались и поминутно поглядывали на часы. К полудню приемная была так забита народом, что люстра качалась, когда они делали вдох и выдох.

Машенька смотрела на календарь и плакала. Болдунова не было.

— Ну, подожди, старый френч,— сказал я и отправился на поиски нашего шефа.

Я смело распахивал обитые дерматином двери. В приемных толклись люди, но Болдунов отсутствовал. Так я добрался до верхнего этажа нашего семиэтажного небоскреба. До самого главного кабинета в нашем институте. Перед зеркалом поправил галстук, распахнул дверь и... обомлел.

Люстра здесь была больше нашей, однако тоже раскачивалась под потолком, как маятник. В приемной — окурку негде упасть.

— Товарищ Болдунов! — закричал я.

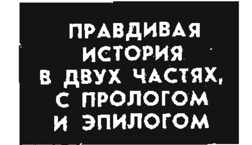
— Тебе чего? — послышался откуда-то из толпы бас нашего шефа.

— Вас люди ждут! — крикнул я.— Вы им прием назначили!

— Сам знаю,— сказал Болдунов.— Мне тоже назначили. На девять сорок. И ничего, жду. Еще не умер.

г. Свердловск.

Л. ЕФИМОВ, специальный корреспондент Крокодила

ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО СЕКУНДА

ПРОЛОГ

Как-то утром, взглянув на свои часы, я убедился, что секундная стрелка исчезла. Мгновением раньше, подхлестываемая бичом вечности, она бежала по кругу, словно цирковая лошадь. Но потом растаяла буквально на глазах.

У знакомого часовщика был такой вид, словно он делал из запчастей само время, каковое отпускал гражданам в порядке живой очереди.

— Времени нет и неизвестно когда будет,— произнес он хорошо не смазанным голосом.

Разнокалиберные циферблаты, окружавшие его, были без стрелок.

Жить вне времени так же плохо, как и вне пространства. Я начал отдавать долги раньше, чем брал взаймы, позднее уходил, чем возвращался, и вообще утратил всякое представление о быстротекущих часах и сутках.

И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы другой мой знакомый не успокоил меня.

— Мы живем в мире ритмов,— сказал он,— и поэтому вполне можем обойтись без приборов для определения времени. Есть другие мерила. Например, завод, где...

ЧАСТЬ I

Петух просит разрешения на взлет. Это значит, что по природным часам уже наступило утро. Но киевских самолетостроителей, у которых я решил справиться насчет «мерил», этот «хронометр» явно не устраивал.

— Неточно, субъективно, и вообще у петуха может случиться ларингит.

Я провел на авиационном заводе несколько дней, и будь я великаном, пристегнул бы на запястье вместо наручных часов «Полет» это предприятие. Я прикладывал бы к уху этот точный, бесперебойный, отрегулированный механизм, который никогда не спешит и не отстает.

— Который час? — спрашиваю у сборщиков. Они смотрят на табло, где отражается сборка в почасовом разрезе.

— Сейчас ровно три четверти самолета!

Не сомневайтесь, это — точное время.

Потому что весь путь самолета — от первой линии на листе ватмана и до того мгновения, когда солнце зажжет на его плоскостях бортовые огни,— расписан буквально по секундам.

Секунда капризна, своенравна и призрачна. За секунду вроде бы только и можно что сделать — затяжку во время перекура или обронить слово, обмениваясь неотложными футбольными новостями. Например, слово «Пеле» звучит ровно одну секунду.

Но стоит только отнестись к ней уважительно, и она, эта неуловимо изящная категория бытия, начинает работать, как ломовая лошадь.

На вычислительном центре, например, я видел, как некто (весь из полупроводников!) ломает свою электронную башку над конструкцией крыла. Он ломает ее со скоростью сотен тысяч операций в секунду! Словом, на заводе автоматизированы даже муки творчества, и машинное вдохновение приходит с каждым нажатием кнопки.

— Хотите, я покажу вам секунду? — спрашивает директор завода В. А. Степанченко, и я почему-то жду, что он сейчас начнет рыться в карманах, чтобы найти какую-нибудь завалящую кроху времени. Но вместо этого меня подводят к стенду, уставленному коническими колпаками, большими, как церковные колокола.

Снимите шляпу! Пред вами само Время, отмеренное на караты мгновений. Потому что эти конические колпаки, коими к самолетам крепятся пропеллеры, штампуются взрывом.

Взрыв — и дело в колпаке...

В самолете сто тысяч деталей. Но их движение так здорово согласовано во времени, что они оказываются под руками в нужную секунду.

И вот настает мгновение, когда новый, с иголочки аэроплан запрашивает разрешение на взлет. Зовут его «АН-24». И хотя по принятым нормам он проходит как неодушевленный предмет, ему здесь присвоен порядковый номер, что когда-то было привилегией только королей (см. Людовик XIV, XV и т. д.).

Впрочем, сегодня точность — это вежливость самолетов.

Когда-то, пренебрегая смертельной опасностью, пилоты поднимались в воздух на летающих этажерках. И интересовал их один-единственный вопрос: «Полетит или не полетит?»

Сейчас у летчиков-испытателей на уме только режимы. Чтобы секунда в секунду!

По инструкции положено брать с собой парашюты. И чтобы на земле были начеку «Скорая» и пожарная. Но пожарные во время испытательного полета, как правило, пьют молоко. Почему молоко? «Водку не пьем, а вода надоела». Смеются. Значит, все тихо. Не горит нигде.

И все же испытывать самолет — это не суп варить.

ЧАСТЬ II

— Который час? Если, конечно, у вас тоже не исчезла секундная стрелка.

— Мы не летчики — работники пищеблока. Нам и минутка без надобности.

В глазах у повара — не разнотравье салатов и не стоячие воды супов. В глазах у повара — небо, покрытое туманом неопределенности. Как в нелетную погоду.

Ведь слово «филе» тоже звучит ровно одну секунду. Но чтобы добраться до него, нужно потратить чуть ли не час.

Короче говоря, в тот самый момент, когда немногословные люди в кожанках оторвали от земли самолет, я взял в руки поднос и занял очередь за работницей гальванического цеха Валей Костенко.

Охота отведать фирменных блюд. Охота отведать рагу типа «стальная птица». И все мы стоим с подносами, как со щитами, готовые до конца отстаивать свои маленькие права.

Когда самолет пролетал уже над Полтавой, мы на земле сумели дойти до полтавского борща. И я зашел на свое столовское посадочное место только тогда, когда летчикам уже разрешили посадку.

Нет, городская столовая, обслуживающая киевский завод, работает не как часы. В лучшем случае как отрывной календарь.

— Который чай?

— Вчерашний.

ЭПИЛОГ

Как-то вечером мне позвонили из бюро находок:

— Нашлась ваша секундная стрелка. Можете забрать.

Но за это время я успел потерять свои наручные часы.

Вот так. Мы часто в одном месте находим секунды, но при этом в другом месте теряем часы.

г. Киев.

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ

Рисунок Бориса ЛЕО

МИМОХОДОМ

Как ни странно, головы серебрят не столько годы, сколько парикмахеры.

Прожить жизнь по-новому удается только в мемуарах.

Известны тысячи способов убивания времени, и нет еще ни одного способа его воскрешения.

Беднее всех тот человек, у которого больше всех свободного времени.

Когда игроки тянут время, любителей футбола тянет к выходу.

Ц. МЕЛАМЕД

Философствовать в рабочее время положено только философам.

Никогда не откладывай на завтра то, что за тебя могут сделать сегодня.

Машина времени тоже нуждается в запчастях.

Прогулять можно и без отрыва от производства.

Даже старинные часы показывают новое время.

С. МАРКОВ

Реклама: «Наши часы — самые быстрые в мире!»

«План или пропал!» — поговорка, рожденная штурмовщиной.

Н. СТАНИЛОВСКИЙ

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

А. ЧЕРНОБРОВЦЕВ,
новосибирский художник-монументалист

Советское время течет стремительно. Однако люди моей профессии этот полет времени должны запечатлевать в многотонных монументах.

Годам гражданской войны в Сибири я посвятил большое панно в сквере Героев революции в Новосибирске. На нем люди в лаптях, зипунах, с берданками и пиками. Не так уж много было отпущено им времени, чтобы превратить пустынную окраину царской России в индустриальный форпост социализма на востоке страны.

Гранитная фигура Матери-Родины, вечный огонь монументального ансамбля на берегу Оби славят подвиг новосибирцев в Великой Отечественной войне. Время не властно над тридцатью тысячами имен, врезанных в высокие стелы памятника.

Сегодня я мечтаю создать картину о наших современниках, дела которых — нетленный монумент времени.

— Как быстро время летит: только сели, а двух выходных как не бывало!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

ВИЛЫ В БОК!

ЧАСЫ... НЕДЕЛИ... МЕСЯЦЫ...

Все, друзья, мы люди-человеки,
И, хотя живем в XX веке,
Нам, как в прежние века, нужны
Индивидуальные штаны,
Обувь соответственно погоде
И неотстающие часы,
Стриженые адекватно моде
Кудри, и бородки, и усы,
По квитанциям — уют гостиниц,
В окнах — неразбитое стекло,
Ребятишкам —
лакомство-гостинец...
Впрочем, к делу! Время истекло.

x x x

«Уважаемая редакция!

Мне захотелось сшить выходной костюм к Новому году. Я заказал его у нас в Тюмени в ателье на улице Энергетиков. Мне обещали, что он будет готов к сроку. Долго я еще за ним ходил. Его шили три раза: в первый раз сожгли утюгом воротник на пиджаке, во второй — смастерили брюки из другого материала. И, наконец, в третий — сшили. Но сколько раз мне пришлось отпрашиваться с работы! И сколько мне стоило это беготни, волнений, нервов — описать невозможно.

М. АЛИЕВ».

Это что ж, в итоге получается —
Все ли хорошо, что хорошо
кончается?
Вроде все в порядке. Тем не менее
Не хотел бы шить костюм
в Тюмени я.

x x x

«Дорогой Крокодил!

Моя маленькая дочка разбила мячом оконное стекло. Обыкновенное стекло 140 на 60 сантиметров. И тут я вспомнил: фирма «Невские зори» оказывает ленинградцам шестьдесят видов услуг. Позвонил. Ангельский голосок диспетчера десять раз произнес «пожалуйста» и обнадежил, что через месяц стекло будет вставлено. Через месяц тот же ангельский голосок предложил мне зайти в стекольный цех фирмы на улице Алексеева, оформить наряд. Пришел в цех, а там один серьезный мужчина говорит: «Через месяц».

И тогда я сделал ему одно предложение. А он принял его.

Дал он мне стекло 140 на 60 и даже подсказал, что везти его можно только в трамвае. А я заплатил по счету, в котором было написано: «Стекло — 1 р. 83 к. Замазка — 40 к. Расчистка фальцев — 21 к. Вставка стекла — 43 к. Вызов мастера на дом — 75 коп. Итого — 3 р. 62 к.». И квитанцию дали. № 003259.

Прибежал я домой. Вставил стекло. Сам. И хорошо вышло. Только маленький уголочек откололся, и один палец я порезал.

А. БЕЛОВ».

Окна, видно, не проблема больше.
Каждый сам себе
теперь стекольщик.
Правильно гласит закон железный:
«Смежные профессии полезны!»

x x x

«Товарищ главный редактор!

Прошу вас помочь мне. Год назад купил я у нас в городе Ирпень, Киевской области, телевизор «Огонек-2» Львовского завода. Через два месяца он испортился. Ходили ко мне из ателье, и чинили, и туда забирали, и на Львовский завод я писал, обменять просил, и все это впустую. Не работает телевизор, и денег не возвращают. А время идет. Чем прошибить этих равнодушных людей?

В. КОЛЕСНИКОВ».

Прошибить таких, как видно,
нелегко.
Да и хлопоты проходят
не без риска:
До конца ремонта очень далеко,
До конца гарантии так близко.

x x x

«Дорогой Крокодил! Я проживаю в Кировабаде. В декабре прошлого года пришлось мне отправить в Москву телеграфом до востребования деньги на имя Солодиловой. Срочно нужно было. Через пятнадцать дней получаю сообщение: денег она не получила. Я все бегал выяснять, в чем дело. Кировабадский почтамт говорит: «Выслали». Московский отвечает: «Не получали». Так они меня терзали еще целый месяц. Наконец деньги вернули обратно. А кто вернет мне зря потраченное время?

Н. ГОЛУБЯТНИКОВ».

Зря почтамт вы лихом помянули.
Чуткий он. И ласковый притом.
Деньги вам
в конце концов вернули?
Что ж еще? Спасибо и на том!

x x x

«Дорогой Крокодил!..»

Идут-бегут письма в редакцию. И во многих — жалоба на потерянное время, истрепанные нервы, прерванную работу...

Что поделать! Хочешь
иль не хочешь,
Носишься, часы труда губя,
Бегаешь, волнуешься, хлопочешь,
На рабочем месте нет тебя.
Хочешь время уберечь — напрасно!
Не запрешь за дверью на засов.
Сколько их — похищенных,
не праздных,
А бесценных трудовых часов!
Сколько дней украло равнодушье!
Сколько лет сгубили у людей!
Кто сгубил? Не вор, не лиходей,
А *«непробиваемые души»*.
Ждет ли их возмездие? Едва ли!
Если пострадали вы и я,
Если нас вот так обворовали,
Где на это в кодексе статья?
Не спасут ни слезы, ни угрозы:
Что ушло — бесследно пропадет.
Даже хитроумнейший угрозыск
Время, что украли, не вернет!

Бор. ЮДИН

Б. ТКАЧ

Опыт

На профсоюзном собрании меня избрали культоргом. Я встал, поблагодарил и объявил, что в следующий четверг состоится экскурсия в зоопарк.

В четверг ко мне началось паломничество: «я не могу», «я заболел», «я уже был»... Ну я, конечно, в рабочее время пошел один.

Через месяц я объявил, что состоится культпоход в планетарий. Повторилась история с экскурсией в зоопарк. Ну я, конечно, в рабочее время пошел один.

В течение года я побывал в музее пожарного дела, на заводе тракторных запчастей, на выставке-продаже нестандартной обуви...

Через год я отчитывался: «За минувший год были проведены экскурсии в зоопарк, планетарий...» Меня особенно хвалили за то, что я всячески старался «охватить» мероприятиями всю профсоюзную массу, и вновь избрали культоргом.

Я встал, поблагодарил и объявил, что в следующий четверг состоится экскурсия в зоопарк.

г. Москва.

Мэлор СТУРУА

НЕ ХВАТАЛО ЛИШЬ ЗАЛПА „АВРОРЫ"...

Репортаж с бала господ, утративших чувство времени

Здесь говорят так: если отель «Стивенс» — самый большой в Америке, а «Уолдорф-Астория» — самый знаменитый, то «Плаза» — безусловно самый элегантный.

Расположенный в наиболее фешенебельном скрещении Пятой авеню и Центрального парка, этот отель, ажурный, как брюссельские кружева, и одновременно массивный, как шотландские замки, был и остается главной цитаделью скороспелой американской аристократии. В нем жили поколения Асторов, Вандербильтов, Гульдов и прочих некоронованных королей Нового Света. Обилие кинозвезд делало коридоры «Плазы» похожими на Млечный Путь. В период великой депрессии, когда другие отели рушились в пропасть банкротства, «Плаза» горделиво высилась посреди их развалин, подобно Ноеву ковчегу в дни всемирного потопа.

Сколько было охов и вздохов, когда «Плазу» приобрел техасский нувориш Конрад Хилтон! «Этот Чингисхан с дальнего Запада превратит нашу герцогиню в мотель!» — ужасались ее многолетние поклонники. Даже привратники «Плазы» в роскошных зеленых ливреях презрительно поглядывали на своего нового патрона. Для того, чтобы завоевать расположение постояльцев и прислуги «Плазы», «Чингисхану с дальнего Запада» пришлось реставрировать знаменитый «Дубовый бар» отеля и присягнуть на верность традиции, согласно которой женщины могут переступать порог этого бара лишь после закрытия нью-йоркской фондовой биржи, то есть после трех часов.

«Плаза» всегда считалась ареной так называемой светской экстравагантности. Ее ничем нельзя было удивить или застать врасплох. Миллионер Эдвард Эллсворт, один из крупнейших спекулянтов недвижимостью, заказывал для своего французского пуделя специальные апартаменты с бассейном и подсобными помещениями для личной горничной и гувернера собаки. И администрация отеля шла ему навстречу. Строительный магнат Джордж Фуллер преподносил своему десятилетнему сыну игрушечный автомобиль, развивавший скорость до сорока километров в час, и администрация «Плазы» мостила для него индивидуальный шоссейный трек в подвальных помещениях отеля.

Да, «Плазу» ничем нельзя было удивить или застать врасплох. Удивлять мир и его окрестности было ее привилегией.

Но вот недавно «Плаза» вновь удивила весь мир, удивила столь сильно, что заставила своих летописцев позабыть и о французском пуделе Эллсворта и о наследнике Фуллера. Я имею в виду костюмированный зимний бал, устроенный клубом «Девять часов» в «Гранд-зале» этого отеля.

На одну ночь, сказочную и феерическую, «Плаза» была превращена в Зимний дворец императорского Санкт-Петербурга начала века и конца (бесславного) династии Романовых. Гаргантюанских размеров пурпурный ковер был разостлан по всему «Двору пальм». Через широко распахнутые зеркальные «Французские двери» ковер поднимался по мраморной лестнице на «Террасу», а затем еще выше и, наконец, вползал кровавым потоком в «Гранд-зал». Стены его были украшены царскими штандартами и знаменами.

Когда часы пробили девять вечера, по пурпурному ковру заструилась вереница гостей. Вышагивала обнищавшая европейская знать и озолоченные американские парвеню, короли без престолов и банкиры без совести, владетельные князья и совладельцы акционерных компаний, тени и призраки минувших столетий — люди с длинной родословной и короткой памятью, с текущим счетом и застойным мышлением. Гости двигались вдоль стены почетного караула — бродвейского миманса, выряженного на манер императорских кавалергардов. На кавалергардах с Бродвея были мундиры цвета бутылочного стекла, гигантские меховые шапки и ладно скроенные лакированные сапоги. Оркестр скрипачей истово выпиливал, как вы уже, наверное, догадались, «Очи черные», «Две гитары», «Старинный вальс» и «Уж давно отцвели хризантемы в саду» (последний романс был особенно к месту). Если кавалергарды представляли Бродвей, то от скрипачей отдавало чем-то голливудским. Оркестром несостоявшихся менухиных и стернов дирижировал некто Мейер Дэвис, утверждающий, что его прапрадед получил награды «За доблесть» сразу от двух русских венценосцев.

У самого входа в «Гранд-зал» был расположен бар, в котором подавали исключительно водку — «Смирновскую» и «Романовскую». Подкрепившись чарочкой, гости двигались дальше навстречу радушным хозяевам — президенту клуба «Девять часов» Эрлу Блэквеллу и «известной филантропке» госпоже Ласкер (ее супруг — глава совета управляющих нью-йоркской фондовой биржи, так что филантропия у мадам Ласкер в крови). Рядом с хозяевами стоял главный виновник торжества его сиятельство князь Сергей («Серж») Оболенский. На князе была роскошная кроваво-алая казачья черкеска с золотыми газырями, небесного цвета шаровары, заправленные в мягкие кавказские сапоги, кинжал, усыпанный драгоценными камнями. Утверждают (поди, проверь!), что именно в этом наряде князь танцевал на балу в Зимнем дворце в 1910 году, когда ему было всего двадцать лет.

Сейчас князю стукнуло восемьдесят. Вот почему свой ежегодный зимний бал клуб «Девять часов» решил посвятить ему и обставить на мотивы петербургских сказок. Члены клуба пришли в восторг от этой идеи. Одним она давала повод тряхнуть стариной, другим — новыми нарядами. Для европейской знати бал стал вечером воспоминаний о том, что у нее отобрали, для американской — о том, что она не смогла приобрести. «Пропасть между поколениями», между Старым и Новым Светом, заполняли костюмы, бриллианты, икра, водка, шампанское и воображение — у кого его хватало.

К балу готовились долго и самозабвенно. Были поставлены на ноги ведущие модельеры обоих континентов. Подверглось скрупулезному изучению содержимое гардеробов крупнейших кинокомпаний и театров. Началась беготня (в «кадиллаках» и «роллсройсах») по ювелирным фирмам и антикварным лавкам. Извлекались из нафталина в качестве экспертов и консультантов «обломки империи» — представители старой русской эмиграции.

Серж Оболенский был нарасхват. Именно благодаря его своевременному вмешательству удалось предупредить великое святотатство, которое чуть было не совершила по недомыслию чета испанских аристократов — князь и княгиня Романонес. Созвучность фамилий — Романонес и Романовы — натолкнула их на идею нарядиться под императора Николая II и императрицу Александру Федоровну. Знаменитый модельер Антонио Кастелло приготовил для них соответствующие костюмы, взяв за основу реквизит из голливудского фильма «Николай и Александра», который скоро должен выйти на экран. Когда весть об этом дошла до слуха Оболенского, последние жалкие остатки некогда буйной огненно-рыжей шевелюры князя встали дыбом. Начались долгие международно-междугородные телефонно-дипломатические переговоры между Нью-Йорком и Мадридом. В конце концов Сержу удалось убедить чету Романонес отказаться от их маскарадной затеи «на высшем уровне».

Но, разоблачив тайны мадридского двора, Оболенский проглядел то, что происходило у него под самым носом. Госпожа Уэйтт Купер, известная больше под именем Глории Вандербильт, заказала своему постоянному портному Адольфо (великие портные и парикмахеры, подобно царствующим особам, в фамилиях не нуждаются) бальное платье — копию того, в котором последний раз появилась в свете последняя хозяйка Зимнего дворца. Адольфо, после секретных консультаций с костюмерами все того же фильма-вампуки «Николай и Александра», сшил несравненной Глории Вандербильт фантастическое платье из белого бархата и лебяжьего пуха, усыпанное жемчугами. Парикмахер Глории сделал ей высокую прическу, на которую была насажена бриллиантовая тиара. Но, к монархическому ужасу Оболенского и чисто женскому — Глории Вандербильт, она оказалась не единственной. Модельер Арнольд Скааси (он еще не настолько велик, чтобы называться просто Арнольдом) сшил целых шесть аналогичных ансамблей для участниц зимнего бала в «Плазе»!

Однако, несмотря на эти отдельные неувязки, вечер в общем удался. Бродвейские кавалергарды доподлинно звенели шпорами, надрывались в плаче голливудские скрипки, светские хроникеры охотились за знаменитостями, а частные детективы охраняли их. Так, госпожу Дин Ревсон сыщики не отпускали ни на шаг даже во время танцев. В ушах, на шее и на голове госпожи Лин Ревсон бриллиантов и изумрудов было на целых два миллиона долларов. Ну прямо не дама, а ходячий стенд с драгоценностями! Всеобщее восхищение вызывал туалет госпожи Корнелиус Вандербильт Уитни. Он назывался «летающая русалка», хотя русалкам положено не летать, а плавать. Туалет состоял из зеленого платья с огромными красными рукавами-«бабочками», вытканного искусными мастерицами из Пакистана. Туалет «летающей русалки» венчала изумрудная тиара.

Но вот, к моему злорадному удовольствию, мажордом, с подобострастием выкрикивавший фамилии и титулы гостей, запнулся. Король американских ювелиров Майкл Картье явился на бал в сопровождении двух русских овчарок! Как тут быть? Объявлять имя короля вместе с овчарками или без? Если вместе, то какие у них клички? Мажордом, к стыду своему, не знал их. Вывел его из затруднения сам король. Он подозвал ливрейных лакеев «Плазы» и передал овчарок на их попечение.

И вновь заструился по пурпурному ковру поток соболей и горностаев, диадем и ожерелий. Бились волнами о мраморную лестницу шелк, парча, бархат, тюль. Пенились вуалетки и кружева.

Прибыла госпожа Митчелл — «болтливая Марта» — супруга министра юстиции. Ее встретили с нескрываемым восторгом и даже обожанием. Ведь госпожу Митчелл называют не только «болтливой Мартой», но и «Агню в юбке».

— Я вас люблю, я вас люблю! — экзальтированно восклицала Глория Вандербильт, заключая в свои объятия Марту.

— Я вас тоже люблю! — отвечала супруга министра юстиции, прикладываясь щекой к щеке несравненной Глории.

— Но почему вы одна? Где министр?

— О, у Джона столько дел, столько дел! «Плаза» декорирована под Зимний дворец, о'кэй. А вот за порогом «Плазы» никаких декораций уже не требуется. Рабочие бастуют, как при его императорском величестве Николае. Солдаты отказываются воевать во Вьетнаме, дезертируют. Бунтуют студенты в университетах, фрондирует профессура, анархисты швыряют бомбы, радикалы распространяют нелегальную литературу. И к тому же еще эти ужасные «Черные пантеры»!

Когда пробило полночь, поднялся президент клуба «Девять часов» Эрл Блэквелл, потребовал от гостей внимания и тишины и провозгласил тост за «нашего самого-самого милого друга князя Сержа». Тост потонул в звоне бокалов шампанского.

Затем начались танцы. Скрипки заиграли полонез. В первой паре выступали князь Оболенский и герцогиня Эргильская. Так, наверное, пляшут тени прошлого на том берегу Леты.

Кто знает, какие мысли проносились в голове его сиятельства. Быть может, осязая мягкими кавказскими сапогами паркет «Гранд-зала», он окидывал мысленным взором свой долгий жизненный путь, протанцованный от Зимнего дворца в Петербурге до отеля «Плаза» в Нью-Йорке?

Да, дотанцевались вы, ваше сиятельство, дотанцевались! Прямой потомок Рюрика, праправнук генералиссимуса Суворова, двоюродный брат князя Юсупова, убийцы Распутина, вы служите теперь агентом по рекламе, паблисити-меном в своей собственной конторе «Серж Оболенский ассошиэйтс, инкорпорейтед» на Третьей авеню. Конрад Хилтон и прочие короли отельного бизнеса наперебой приглашают вас в качестве свадебного генерала на бракосочетания зеленых долларов и голубых кровей. «Плаза», «Сейнт-Реджис», «Амбассадор», «Шерри-Низерлэнд»... Кто сочтет все гостиницы, вывески которых позолочены вашим титулом?

Запыхавшаяся герцогиня Эргильская уступает почетное право партнерши «милого друга» княгине де Полиньяк. Но сам его сиятельство неутомим. Ведь недаром он занимается по системе йогов и даже стоит на голове (впрочем, это не так уж сложно, если вся жизнь пошла вверх ногами.) Ведь недаром же он регулярно принимает разбавленный в горячей воде с лимонным соком желатин «Нокс», снимающий усталость и способствующий росту ногтей (как быть без них хищникам и аристократам?). Конечно, с годами он стал немного туговат на ухо. Но это даже удобно: не слышно шагов истории. Зато взор его по-прежнему остер и рука по-прежнему тверда. Это последнее обстоятельство особенно приводит в восторг его официального компаньона и неофициального биографа Александра («Сашу») Тарсаидзе, выпустившего недавно в издательстве Макмиллана книгу «Катя, жена перед богом», — о трогательном романе между царем-«освободителем» Александром II и Екатериной Долгорукой, дочь которых была первой супругой Оболенского.

Старенький Серж шустро перебирает ногами. Ведь недаром он мечтает о такой же славной смерти, которая настигла его кузена Дика. Кузену было далеко за девяносто, когда он скоропостижно скончался, танцуя с Вирджинией Рил в клубе «Никкербоккер». Вот это прекрасная смерть, достойная рюриковича девяносто девятой пробы! Помните, у дедушки Крылова: «Ты все пела? Это дело. Так поди же, попляши».

Зима катит в слезящиеся глаза его сиятельства, не русская зима, а зима жизни. Не та зима, которую он еще помнит с далекого детства по Красной горке, где его отец, флигель-адъютант великого князя Константина, владел обширными поместьями. В ожидании наследства Серж шлифовал себя в Оксфорде, сражаясь в поло с узкоголовыми отпрысками лучших британских фамилий. Его военная карьера тоже продвигалась успешно. Зачисленный заочно с пеленок рядовым в императорскую гвардию, он дослужился до полковничьих погон и трех Георгиев, так ни разу и не понюхав пороха (в Оксфорде дышали почти по Блоку — французскими духами и английскими туманами). Революция грубо оборвала дальнейшее продвижение Оболенского по военной лестнице. Деньги, положенные на его имя в швейцарских банках, быстро иссякли. Единственное, что осталось при нем, — это умение «неотразимо облизываться, поглядывая на женщин», и танцевать. И вот, бросив безутешную княжну Долгорукую, он стал обтанцовывать Алису Астор, дочь знаменитого мультимиллионера полковника Джона Джэкоба Астора, канувшего на дно Атлантического океана вместе с «Титаником» (рано или поздно все они пойдут на дно. Даже крысы и те не спасутся).

Женитьба на Алисе открыла князю дверь в страну чудес. Он жил в роскошных особняках на Белгрейв-сквер в Лондоне, обедал в Риджентс-парке и «Савое». Затем перебрался в Соединенные Штаты и стал американским гражданином. Шли годы. Ушла Алиса. Пришлось переквалифицироваться в гостиничные менеджеры и в агенты по рекламе. Оглянуться не успел, как разменял восьмой десяток. А дальше что? Уж давно отцвели хризантемы в саду. Уходить на покой и играть в жмурки с флоридским солнцем в каком-нибудь пансионе для престарелых на Палм-бич?

— Нет уж, увольте. Для такого, как я, сукина сына, это означает смерть. А я предпочел бы встретить ее, как кузен Дик, — говорит его сиятельство.

И он ищет ее на танцевальном паркете, словно на полях сражений. И уже запыхавшаяся княгиня Полиньяк уступает почетное право партнерши «милого друга» госпоже министерше.

— Хотя я демократ, а не республиканец, — говорит князь, — меня тем не менее восхищает крестовый поход вашего супруга в защиту законности и порядка. Я даже ношу в петлице моего двубортного блейзера* американский флажок в знак протеста против «хиппи». И еще, ради бога, передайте президенту, чтобы он не выводил своих солдат из Вьетнама. Эти полмиллиона, вернувшись в Штаты, окончательно подорвут нашу экономику...

Над Нью-Йорком занимался рассвет. Он нехотя полз с левого берега Гудзона и распространялся по Манхэттену, зажигая наподобие рождественских свечей стеклянные коробки небоскребов и шпили соборов. Его багряно-оранжевые струи вливались в желто-зеленую дрему Центрального парка и с восторгом накатывались на «Плазу», ажурную, как брюссельские кружева, и массивную, как шотландские замки. В черных лимузинах, растянувшихся длинной агатовой цепочкой вдоль отеля, клевали носом могучие шоферы-негры в форменных фуражках с лакированными околышами. Привратники «Плазы» в роскошных зеленых ливреях гордо стояли на часах, как стража в Помпее, гибнущей от землетрясения.

А в «Гранд-зале» по-прежнему шел пир горой, пир во время чумы, пир-сказка о Зимнем дворце императорского Санкт-Петербурга начала века и конца династии Романовых. Все было «как тогда»: и кавалергарды в меховых шапках, и фрейлины в диадемах, и скрипачи в слезах. Среди пирующих шатался в расхристанной рясе, со всклокоченной бородой и сверкающими глазами, загримированный под Гришку Распутина актер-режиссер Джошуа Логан. Да, все было «как тогда». Даже с хрустальных канделябров «Гранд-зала» лился каскадом папоротник.

— Обычно его привозили из Крыма, из Ливадии. Этот, разумеется, не оттуда. Этот из оранжереи «Плазы», — с грустинкой в голосе объяснял княгине де Полиньяк потомок Рюрика.

Не хватало лишь залпа «Авроры»...

Нью-Йорк

* Синий пиджак с металлическими пуговицами.

— Бедняга был одержим мыслью подсчитать, сколько дней продержится Советская власть...

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ВИЗИТ ПОД ПСЕВДОНИМОМ...

Как вам, дорогой читатель, известно, разрешение разных мелких вопросов нередко затягивается. Подчас для того, чтобы заменить вышедшую из строя электропроводку, нужно ухлопать времени больше, чем потратил его Афанасий Никитин на свое путешествие за три моря.

Почему и как это происходит? Кто виновник?

Задавшись таким вопросом, редакция поручила трем корреспондентам разъехаться в разные города и там, спрятав во внутренний карман крокодильское удостоверение, под видом местного жителя добиться разрешения какого-нибудь незначительного, но насущного для данного горожанина вопроса.

Сегодня мы публикуем репортажи наших посланцев.

1. ПРУЖИНА ДЛИНОЙ В ДВА ГОДА

УФА. Я превратился в гражданина, проживающего в доме № 2 по Первомайской улице. В моем кармане — письмо жильцов этого дома. Вот о чем: есть в доме булочная, в которой есть дверь, на которой висит пружина, из-за которой не стало житья, — грохочет, как бронетранспортер.

Я засек время и открыл ту самую дверь, на которой висит пружина. Но вот неудача: заведующей булочной тов. Загитовой не было на месте.

Тогда я направился в Орджоникидзевский райисполком, на территории которого находится булочная, в которой есть дверь, на которой висит пружина, которая мешает людям жить.

В исполкоме я прочел объявление, что сегодня первый заместитель председателя тов. Синев принимает посетителей в Новоалександровке.

Я трясся в автобусе ровно час.

— Нету сегодня товарища Синева, — сказали мне. — Будет принимать через неделю.

К счастью, в этот день я застал на месте тов. Шульгу, которая руководит кустом, в который входит булочная, у которой есть дверь, на которой пружина, из-за которой нету житья.

Тов. Шульга пообещала: «Как-нибудь отрегулируем этот вопрос». Срок «как-нибудь» меня не устраивал, и я решил навестить директора Уфимского горхлебторга тов. Стрежневу, которой подчиняется куст, в который входит булочная, у которой есть дверь, на которой пружина.

Хотя я пришел в час приема, ни директора, ни заместителя не застал. Тогда я отправился в городское управление торговли, где (о, удача!) был принят товарищем Акбулатовым — заместителем начальника управления, которому подчиняется хлеборг, в чьем ведении находится куст, в который входит... и т. д.

— Все зависит от сознательности людей, — философски сказал мне тов. Акбулатов и посоветовал, чтобы покупатели придерживали дверь рукой.

Мне не оставалось ничего другого, как пойти к министру торговли Башкирской АССР тов. Афридонову, который... и т. д.

— Мне даже смешно, что с таким вопросом вы хотите пройти к министру, — сказала секретарша.

— Мне тоже смешно, — сказал я, — но как быть, если в нашем доме есть булочная, у которой есть дверь, на которой...

— Пройдите в комнату № 26 к тов. Холкиной.

Начальник отдела организации торговли тов. Холкина объяснила мне, что пружины бывают разные. Пружины змеевидные, пружины-лягушки, пружины роликовые.

— По всей видимости, — сказала она, — вам мешает жить змеевидная пружина. Я советую потерпеть до лета. Как потеплеет, пружину можно будет снять.

— А зимой пружину снова привесят?

— Сочувствую, но помочь ничем не могу.

Четыре полных дня я носился по городу, переходил из одного кабинета в другой, из другого — в третий. С таким же успехом я мог бегать неделю, месяц, год, два года. Не верите? Вот доказательство.

«Депутату Верховного Совета РСФСР тов. Сафонову. Уфимский городской хлебторг сообщает... В целях устранения шума завмагу № 43 тов. Загитовой предложено немедленно снять с входных дверей стальные пружины и к дверным косякам набить амортизационные губки.

Директор горхлебторга А. Стрежнева.
24 марта 1969 года».

С тех пор депутат писал в хлебторг дважды. Но больше ответа не получал.

Решилось дело, тянувшееся два года, за четыре с половиной минуты. Ровно столько потребовалось «дяде Сереже из стройгруппы», чтобы устранить пружину, из-за которой люди не могли жить.

Правда, для этого мне пришлось раскрыть инкогнито.

Б. ФИНИАСОВ

2. ТАМ ВСЕ БЛИЗКО

РЫБИНСК. Я — рядовой жилец дома № 33 по улице Чкалова. В январе прошлого года из нашего дома убрали дровяные печки, пообещав провести газ.

С мая по август косяком шли неподдельные радости. В стенах пробили дыры. Провели трубы. Поставили газовые плиты. И даже проверили всю систему, не прохудилась ли где. В октябре снова привалило счастье: появились шкафы для газовых баллонов.

— Ну, теперь уже скоро! — оптимистично вздохнули мы.

Время шло, а газа не было. Правда, жить стало несколько удобнее: керосинки, керогазы и примусы оказалось очень сподручно ставить на газовые плиты. Мы это сразу оценили, поминая теплыми благодарственными словами газификаторов.

Сначала я, знаете ли, терпеливо ждал. Но наконец у меня лопнуло терпение, и я пошел по инстанциям.

Перво-наперво — в «Рыбинскмежрайгаз». Так и так, говорю.

— Мы — планирующая организация, — ответила учтивая дама с карминными губами. — Этими делами не занимаемся. Идите в контору «Росгазстрой», этажом выше.

Спасибо. Пошел. Сидят две милые барышни.

— Все есть, а газа нету, — жалуюсь. Та, что с малиновыми губами, отвечает:

— Начальник наш уволился. Уже шестой за полтора года. Бывает тут главный инженер, но сейчас его нет. Он вообще-то в Ярославле живет. Идите-ка вы к прорабу, на нашу производственную базу.

Благодарю. Пошел. Прораба А. Морозова нету. Куда и когда уехал — неизвестно. Когда будет — тем более.

— А вам чего?

— В доме № 33 по улице Чкалова газа до сих пор нету.

Рабочие удивились:

— Вроде бы там все уже давно сделали. Должен быть газ. Идите-ка вы в «Росгазстрой».

Гран мерси. Уже был.

Так замкнулся круг.

Пошел на прием к председателю горсовета.

— Зайдите через неделю. К тому времени станет известен график приема на следующий месяц, и вы сможете записаться, — сказала молодая особа с натуральными губами.

Я бы подождал, да срок командировки кончался. Пришлось привинтить обратно крокодильский значок и вытащить из чемодана редакционное удостоверение. Через несколько минут я уже сидел в кабинете предгорсовета товарища Урова. А еще через двадцать минут там появились товарищи из «Росгазстроя», «Рыбинскмежрайгаза», горжилуправления. Нашелся даже неуловимый прораб тов. Морозов.

— Когда конкретно будет пущен газ в доме № 33? — спросил у них тов. Уров.

Они отвечали бодро и споро, как солдаты на перекличке:

— Газ дадим ровно через пять дней.

— Это твердо?

— Реально! Чтоб нам провалиться!

У меня прямо гора с плеч. Вот ведь как люди умеют работать! Раз-два — и за пять дней, включая выходные, все будет сделано. И в доме, который стал мне почти что родным, загорится голубой огонек.

Между прочим, не очень дорогой ценой мне это досталось. От горсовета до дома № 33 по улице Чкалова — 182 шага. Оттуда до резиденции прораба — 493 шага. От нее до «Росгазстроя» — 96 шагов.

Это абсолютно точно. Сам считал. И не один раз!

Эр. ЭДЕЛЬ

3. НЕСЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО

КАЛИНИН. На улице Сосновой вышла из строя водоразборная колонка. Жителям пришлось ходить по воду на соседнюю улицу. Узнав об этом, я отправился на Сосновую и стал там прогуливаться в ожидании, пока не появится кто-нибудь с ведрами.

Ко мне подошел гражданин в высоких валенках и бобриковой тужурке. Он, правда, был без ведер, но спросил довольно сурово:

— Ты чего здесь околачиваешься?

— Вы на этой улице живете? — ответил я вопросом. — А в каком доме?

— В тринадцатом.

«Это нехорошо, — подумал я, ибо по опыту знал, что цифра 13 ничего путного не предвещает. — Но будь что будет. Рискну».

И предложил гражданину в валенках, оказавшемуся П. И. Майоровым, заключить со мной сделку.

— Вам нужна исправная колонка? А мне нужно подсчитать, сколько времени понадобится на хождение по приемным, чтобы ее отремонтировали. Поэтому вы пока продолжайте носить воду с соседней улицы, а я от вашего имени отправлюсь ходоком. Согласны?

— Мне, конечно, ваших ног не жалко, — сказал П. И. Майоров. — Но одно дело, если жаловаться пойду я, и совсем иное, если этим займетесь вы. Ведь я в своем районе все ходы и выходы знаю.

— Друг мой, — сказал я, игриво потрогав своего собеседника за пуговицу, — не будьте наивным. Кто бы ни пошел жаловаться, все равно вашу несчастную колонку раньше лета не исправят.

На следующее утро я явился на прием в отдел коммунального хозяйства Пролетарского райисполкома. Немало удивившись тому, что в приемной не было ни одного ожидающего, я притулился на стульчике перед столом инженера отдела М. М. Брысина и сообщил, что на Сосновой улице вот уже второй день не работает колонка.

— Боже мой! — изумился Брысин. — И по такому пустяку вы тратите время! Да вам достаточно было позвонить нам по телефону. Идите себе спокойненько домой, гражданин Майоров. Я позвоню в «Водоканал», и сегодня после обеда у вас будут водопроводчики.

— Сомневаться в этом не приходится, — с коварной улыбкой ответил я, — но, может быть, для надежности оставить вам письменное заявление?

— Не надо заявления!

— В таком случае, может быть, заглянуть к вам завтра?

— Не надо! Не потребуется!

Я пожал плечами и откланялся. Ни единому слову Брысина я, разумеется, не поверил. И тут же поспешил в тот самый «Водоканал» — городское управление водопровода и канализации.

— Дорогой товарищ! — обратился я к диспетчеру «Водоканала», принимавшей заявки на ремонт водопровода. — Вам звонили сегодня насчет Сосновой улицы?

— Звонили. Сегодня пошлем водопроводчиков.

— А может быть, на всякий случай заявление написать?

— А зачем? Мы и так все сделаем.

Когда на землю спустились сумерки, я снова навестил гражданина Майорова.

— Лучше бы я сам пошел! — с досадой сказал он. — Приехали какие-то, потоптались и уехали. А тут и вторая колонка испортилась. Извольте ходить теперь по воду за два квартала...

Ночью мне не спалось. Ворочался с боку на бок, перебирая в уме эпитеты и метафоры, которые собирался обрушить на бюрократов и чинуш. А утром чуть свет уже спешил на Сосновую.

Увы! На том месте, где вчера одиноко торчала чугунная колонка, стояли два грузовика с надписью на бортах «Аварийная». Между ними чернел вырытый за ночь котлован. На дне его копошились люди в промасленных робах.

— Тут у нас, папаша, заминка получилась, — поделился один из них. — Никак не могли сообразить, где она лопнула, трижды клятая! Но к вечеру будет полный порядок.

Вечером мы снова встретились с Майоровым.

— Ну, как? (Это я.)

— Полный порядок. (Это он.)

— То есть какой порядок? (Я.)

— Такой. Обе колонки работают. (Он мне.)

Я спрятал покрасневшие уши в поднятый воротник и стыдливо ретировался.

...Короче говоря, в Калинине я попусту потратил время. Даже крокодильского удостоверения не пришлось предъявить. И виновата в этом, по моему глубокому убеждению, несчастливая цифра 13.

А. ГОЛУБ

ОПЫТНЫЙ...

Рисунок И. СЫЧЕВА

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Т. УМИРБЕКОВ,
чабан совхоза им. Калинина, Семипалатинской области

Наша жизнь течет быстрее, чем светлый ручей в степи. Тридцатую весну уже встречаю. Из школы пошел в чабаны. А сейчас заочно учусь в Семипалатинском зооветеринарном институте. В прошлом году из моих отар сдали на мясокомбинат 700 валухов средним весом по 50 килограммов каждый.

Могу сказать о значении минуты в нашем чабанском деле. Отвернись на минуту — и волк задерет десяток овец. Прозевай минуту в зимнюю пургу — всю отару потеряешь! У хорошего чабана минута — что добрая овчарка, так же овец бережет. В моих отарах каждую минуту появляется новый баран — я имею в виду привес от нагула. Короче, если бы я не дорожил минутой, то едва ли получал бы с каждой сотни маток 125 ягнят ежегодно. Именно сбереженные минуты дали мне возможность за последние шесть лет получить и вырастить дополнительно к плану более 5 тысяч овец, сдать почти 15 тонн шерсти — а это примерно 25 тысяч шерстяных костюмов.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Ф. КОЗЛОВ,
шофер, Герой Социалистического Труда

Нам, шоферам, наверное, как никому, необходимо чувство времени. Встаешь до петухов, в четыре тридцать утра уже надо вывести машину на линию. Едешь — поглядываешь на часы: не опоздать бы на разгрузку, успеть сделать еще один рейс. Скорее!..

Вот уже 32 года я работаю в автоколонне 1109, доставляю кирпич на стройки. Мой «МАЗ» с двумя прицепами берет сразу 7 тысяч штук. Целый этаж! Езжу я по Ленинграду, отсчитываю время не только по часам, но и по новым домам. Вот сюда совсем недавно привозил кирпич. А теперь стоит дом-красавец. Да, бежит время...

А недавно притормозил я возле трамвайной остановки на Большой Охте и вдруг слышу веселый голос:

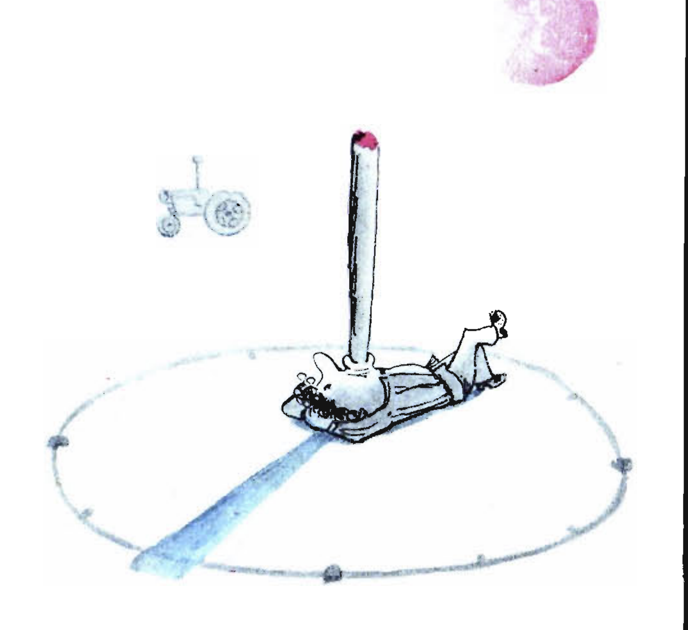
— Эй, водитель! Вези кирпич быстрее, мы замуж собираемся, а наш дом еще не построен!

Смотрю, две девушки на остановке смеются.

— Готовьте фату! — отвечаю. — Ждать уже немного осталось!

А сам жму на акселератор. Время не ждет!

Интервью у делегатов XXIV съезда КПСС взяли корреспонденты «Крокодила» Ю. БОРИН, Д. ЗОЛОТОВ, И. МАРТЬЯНОВ, В. НАСОНКИН, М. ЛЬВОВСКИЙ, К. СЕЛИНЕВИЧ, О. СИДЕЛЬНИКОВ.

Солнечные часы. Рисунок А. ГРУНИНА

Мих. ВЛАДИМОВ

Почему же?

«Время — деньги!» — слово деловитых.
Тех, кто знает деньгам точный счет.
Два понятья, воедино слитых:
«Время — деньги».
И наоборот —
Если, предположим, слово «деньги»
С «временем» местами поменять,
Рубль и час,
Минуты и копейки
Можем мы по праву уравнять!

* * *

В цех кузнечно-прессовый однажды
Вовремя не подали металл.
По причине той рабочий каждый
Пять рублей за смену простоял.

В «Стройдетали»
Лозунги кидали:
— Поднажмем!
— Сверхвыполним!
— Даешь!
Сто рублей в неделю заседали,
Делу уделили только грош!
В мастерскую я принес ботинок.
Мелкий был ремонт необходим.
Можно было сделать все в полтинник —
Четвертную провозились с ним.
Был сосед, придя домой с работы
На пятак с сынишкой и женой.
Но зато провел он без заботы
Три рубля с друзьями у пивной.

———

Деньгам счет всегда и всюду нужен! —
Говорим мы, временем соря.
ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ.
Почему же
Деньги — ценим,
время — тратим зря?

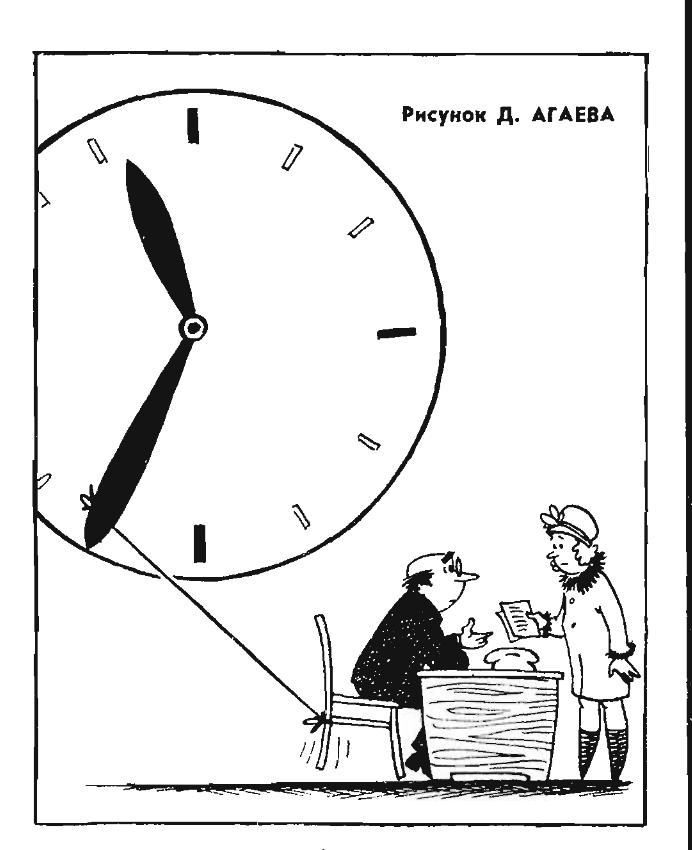

Рисунок Д. АГАЕВА

Временно исполняющий обязанности.

А. КРЫЛОВ, А. ХОДАНОВ, специальные корреспонденты Крокодила

Войдя в густую молочную пелену, мы, не сбавляя скорости, продолжали упрямо карабкаться вверх, проваливаясь в неглубокие земные ямы. Наконец над нами полыхнуло, туго натянутое облачное покрывало дало трещину, и в кабину ворвалось ослепительно синее среднеазиатское небо.

Теперь наша «Волга» ступала своими четырьмя колесами по покорным спинам воздушных барашков, а перевал Тюя-Ашу приветствовал нас сахарными головами немыслимо крутых вершин Киргизского хребта, выросшего непреодолимой преградой.

Дорога круто уходила в небытие, а далеко впереди, на груди холодной скалы-великанши, гостеприимной брошью сияла знакомая с детства неоновая буква «М».

Метро! На высоте шести Останкинских башен. 3 200 метров над уровнем моря. Не может того быть!

«Тоннель имени Сорокалетия киргизского комсомола,— прочитали мы чугунную надпись при входе.— Сооружен Управлением строительства № 128 Главтоннельметростроя в 1964 году».

В машине этого совсем не ощущаешь, но когда вылезаешь и идешь в гору быстрыми шагами, высота железными пальцами давит на виски, на сердце, на легкие. Мотор нашей «Волги» — и тот потерял здесь двадцать пять процентов своей мощности. Ощущая ватную неловкость в ногах, идем по тоннелю и констатируем: действительно, здесь все как в Московском метро и даже солиднее. Мощная вентиляция и гигантские турбины, жаркие обогревающие установки и разветвленная канализация для отвода коварных горных вод.

— Горы сверлили с двух сторон,— рассказали нам дежурные по станции,— и шли навстречу друг другу 2 652 метра в труднейшей скальной породе и ледяной линзе. И, не видя друг друга, встретились лицом к лицу. Не уклонившись ни на сантиметр в сторону!

БЫВШАЯ КРЕПОСТЬ

Еще несколько лет назад, когда дело касалось перевозок и поездок, часы в Киргизии работали вхолостую. Сутки, месяцы и годы летели на ветер. А вместе с ними и миллионы рублей. Ибо поперек республики, рассекая облака неприступной крепостью, стоял Тянь-Шаньский хребет.

Чтобы попасть из Фрунзе в города Ош и Джалал-Абад, жители северной Киргизии, сопровождая партию груза или оборудования, должны были ехать в объезд 1 200 километров по землям Казахстана, Узбекистана и Таджикистана. Только через тридцать часов, небритые и невыспавшиеся, они оказывались в южной Киргизии.

В тридцатые годы была предпринята первая отчаянная попытка с боем пробиться сквозь каменный строй великанов. И урочище реки Карабалты заполнили полки вооруженных кайлами колхозников Чуйской долины.

Великаны швыряли в смельчаков каменные глыбы, подставляли непробиваемые гранитные щиты, и одолеть их было нелегко. Однако когда в пятидесятые годы на подмогу колхозникам пришли регулярные армии бульдозеров, грейдеров и автомобилей, когда в ряды смельчаков влились бетонщики, проходчики, плотники, высотники-альпинисты и метростроевцы, Тянь-Шаньский хребет немедленно выкинул белый флаг. Его капитуляция была национальным праздником.

Теперь путешествие по Великому Киргизскому тракту, по этой прекрасной асфальтированной дороге, продолжается немногим более десяти часов.

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Первый заместитель министра автотранспорта и шоссейных дорог республики Владимир Петрович Хилимончик оказался громадного роста человеком с неожиданной, по-детски непосредственной улыбкой.

— А известно ли товарищам корреспондентам,— сказал он, лукаво оглядывая нас,— что за минувшую пятилетку Великий Киргизский тракт позволил нам увеличить план по сдаче мяса государству на тысячи тонн?

— То есть как это? — опешили мы.— Не покрываете же вы дорогу особым витаминизированным асфальтом!

— Смотрите глубже,— серьезно сказал Владимир Петрович.— Мы выдаем каждой овце бесплатный проездной билет. Посудите сами, раньше отары гнали с пастбищ на мясокомбинат по пятнадцать дней. Шли они, сердечные, изнывая от жажды и усталости, и теряли драгоценный нагульный вес. А сейчас мы их на машинах подбрасываем. Недавно полмиллиона подбросили. В сутки по два килограмма с головы экономим. В итоге — тысячи тонн.

Это овцы. Про волков мы узнали позднее. Скрывшиеся от людского глаза в неприступные ущелья, они, ошалев от одиночества, иногда выбегают на дорогу. Один такой бродяга случайно вырос перед нашим ЗИЛом и, услышав гудок, потерял свою волчью голову. Загребая отощавшими за зиму лапами, поджав куцый несобачий хвост, он несся впереди машины с максимальной для здешних условий скоростью — восемьдесят километров в час, и бежал так километра три. Потом постепенно пришел в себя и нырнул в сторону, где машине путь был заказан.

БРАТ ВОЛГИ

Нет, нет, речь на этот раз пойдет не о «Жигулях». Мы расскажем о Нарыне, вдоль которого ехали долго по едва ли не самым живописным местам Киргизии, по бывшей самой опасной вьючной тропе.

Дорога бросала нас то под скалы, подсеченные взрывом, то к самому берегу стремительнейшей и глубочайшей из рек, а потом неожиданно привела в котловину, обнесенную со всех сторон скалами.

Один из нас проезжал здесь несколько лет назад и видел вокруг только пустырь.

А сейчас на этом месте действует филиал фрунзенского политехнического института и строительного техникума. И стоят жилые дома.

У юного поселка древнее и весьма дефицитное название — Кара-Куль. Однако к изготовлению шапок и воротников этот поселок не имеет никакого отношения. Здесь живут строители Токтогульской ГЭС, и число их уже перешагнуло за одиннадцать с половиной тысяч человек.

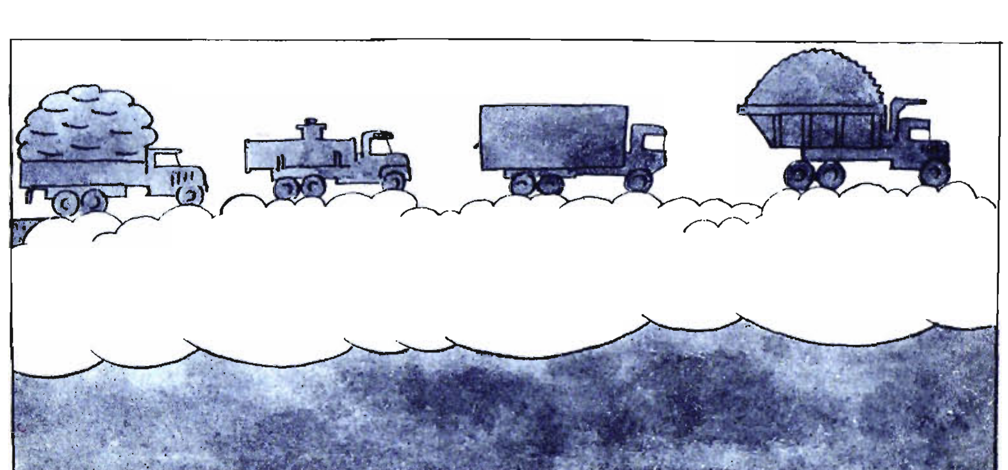
Теперь мы вплотную подойдем к вопросу о родстве мускулистого смуглого Нарына и степенной белолицей Волги. Дело в том, что запасы гидроэнергии Нарына — без малого шесть миллионов киловатт. Стало быть, его гидроэнергетическая мощность точно такая же, как у той самой Волги, которая впадает в Каспийское море.

Один и две десятых миллиона киловатт Нарын решил отдать Токтогульской ГЭС. Однако не сразу принял он такое щедрое решение. Строителям пришлось прежде запрятать его в восьмисотметровую клетку-трубу, пробитую в скале, и перегородить двухсоттридцатиметровой плотиной. Тут уж, как говорится, никуда не денешься.

И опять-таки (как и в случае с овцами) можно сказать, что здесь сыграл главную роль Великий Киргизский тракт. Ибо если бы не было его, кто бы мог перекатить через горы турбины, груженые панелевозы, наполненные цистерны, оборудование цементного завода и тысячи других необходимых грузов, без которых немыслимо строительство Токтогульской ГЭС?

Бывает, что по вине хозяйственников чабаны в лютые морозы остаются без угля. Тогда-то они и вынуждены исполнять такие вот характерные танцы...

Не подумайте, что они уже в раю, хотя путь в райские кущи равен одному неверному движению — пропасть в двух шагах. Однако здешние шоферы-асы в рай не торопятся...

— По снежной лавине — огонь!

НОВОЕ СЛОВО

Его бесполезно искать в орфографическом словаре русского языка (около 104 тысяч слов). Нет этого слова и в киргизском языке. Солидный словарь ударений для работников радио и телевидения (около 63 тысяч слов) тоже молчит по этому поводу.

Тем не менее слово это мы слышим на каждом шагу.

Лавинщик — так называется здесь эта редкая и рискованная профессия. Борьба со снежными лавинами и обвалами — едва ли не первостепенное дело в зимний период. И, когда путь становится опасным, нет, пожалуй, на Великом Киргизском тракте популярнее людей, чем лавинщики.

— Сейчас лавинщики работают на двести пятьдесят четвертом,— сказал нам первый заместитель министра тов. Хилимончик.— Там вы с ними можете поговорить и зарисовать их. Только сначала участок этот надо проехать. От греха подальше. Шофер знает, как. На тихой скорости, без сигналов.

Именно так мы и проехали этот опасный 254-й, но лавинщиков не застали. Сделав свое дело, они перебрались на новые опасные участки. Туда, где к столбам навечно прикреплены молчаливо вопиющие таблички: «ОСТОРОЖНО! ОБВАЛ!» А местам таким несть числа...

Очень скоро мы усвоили, что, если дорогу заваливает десятиметровая лавина,— это так, мелочь. А солидный обвал — это когда в высоту на сорок, в длину на сто. Как лет пять назад на 291-м. Летела тогда лавина со скоростью пятнадцать метров в секунду и так спрессовалась, что не брали ее ни лом, ни бульдозер, ни взрывчатка...

Тьфу! Тьфу! Тьфу!

Участковый инспектор Ташмурза Тагаев, несмотря на погоны младшего лейтенанта, занимает самый высокий милицейский пост в стране — 3 200 метров над уровнем моря!

ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ

За минувшую пятилетку автомобильный парк республики вырос больше чем вдвое. До одиннадцати тысяч автомобилей проносится в сутки по Великому Киргизскому тракту в дни «пик».

Нескончаемой рекой текут в республику карагандинский уголь, зерно, минеральные удобрения из Казахстана. Лес, каменный уголь, машины, черные металлы, бетон, станки, автомобили, тракторы, бумага, ткани и т. д. и т. п. из Западной Сибири, Урала, Поволжья, Центральной части России, Узбекистана, Украины, Белоруссии, Прибалтики...

А навстречу этому нескончаемому потоку течет такая же полноводная река: нефть, сахар, шерсть, станки, цистерны, стройматериалы, кожа, хлопок, волокно и т. д. и т. п.— в Узбекистан, Казахстан, РСФСР... В пятьдесят стран мира направляются по Великому Киргизскому тракту машины, станки, металлы, жиры, электронные индикаторы, сухофрукты, центрифуги, пряжа, хлопок, совершенные медицинские приборы...

Мы встали посреди дороги и остановили две первые попавшиеся машины.

— Селям алейкум, уважаемый аксакал! Что везете?

— Привет, молодой человек! Да будет удовлетворено твое любопытство! Это машины для первичной обработки шерсти.

— Откуда машины, уважаемый аксакал?

— Из Польши, любопытнейший из любопытных!

— А у вас, извините, что за груз?

— Опять же машины. Для набивки тканей. Понял?

— Тоже из Польши?

— Из Италии, бамбино. Чао!

День и ночь трудолюбиво гудит Великий Киргизский тракт. И плывут навстречу друг другу нескончаемые реки всевозможных грузов с надписями на всех языках...

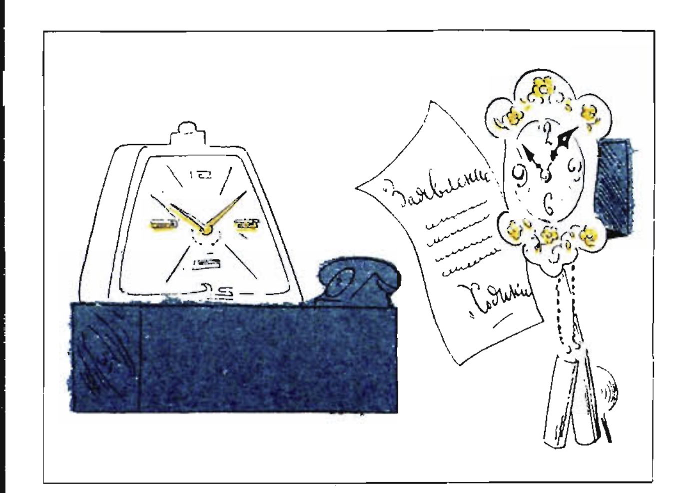
Убывают горы, идет вниз и дорога... И вот уже пошли ровные колхозные поля, окаймленные длинными шеренгами шелковиц.

И показался Ош — город шоферов, узел, связывающий Великий Киргизский тракт с не менее великим — Памирским.

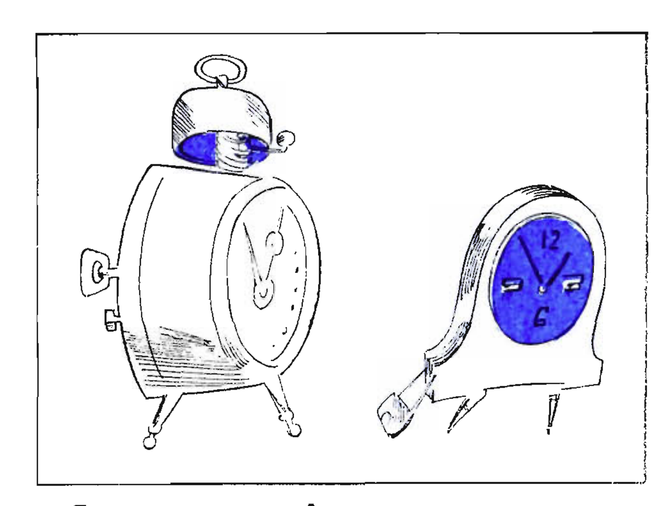
Киргизская ССР,
февраль.

КОЕ-ЧТО О ЧАСАХ

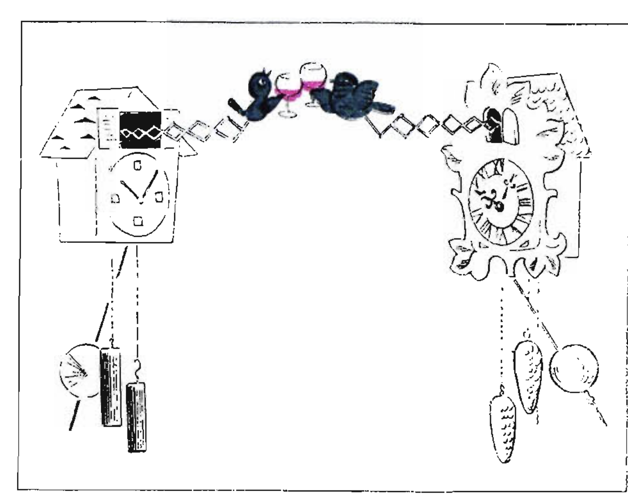
Рисунки М. БИТНОГО

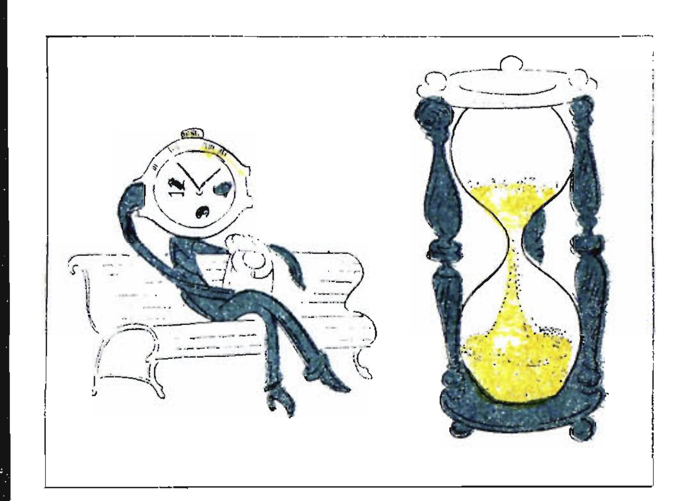
— Не надоело вам еще ходить?

— Простите, вы спешите?
— А вы отстаньте!

— За нашу встречу!

— Ну, посудите сами, какая вы мне пара: из вас ведь песок сыплется!

С. РОДИОНОВ

ВОКРУГ ШЛЯПЫ

Рано утром я спешил на работу — много ее было, как снега в марте. На улицу выскочил, словно заяц из кустов. Бежал мимо людей, и все меня что-то давило, будто мое тело запеленали. Я бы так и бежал запеленатый, если бы мальчишка не сказал:

— Дядя, а у вас не туда!

Действительно, пола пиджака была пристегнута к брюкам: есть там такие пуговички.

Я поблагодарил мальчишку и вдруг заметил, что он, а точнее, они — второй-то выглядывал из окна третьего этажа — занимаются черт те чем: второй опускал на голову первому шляпу на ниточке. Шляпа была соломенная, поэтому ее качало ветерком, как хотело. Мальчишка стоял терпеливо, и я стал.

— Вот школьники чем занимаются! — остановился рядом рабочий с куском трубы. Он притопал от соседнего дома, который развалили для капитального ремонта.

— Интересно, нахлобучит? — спросил рабочий.

— Ветер! Не нахлобучит, — сказал я.

Шляпа задевала уши, крутилась вокруг головы, но избегала макушки, где было ее законное место.

— Голова нестандартная, — вырос около меня высокий гражданин с портфелем.

— Не имеет значения, — возразил я, — как кибернетик вам говорю.

— А я вам как врач говорю, — не согласился высокий, — что и форма головы имеет значение.

Шляпу начало раскачивать ветерком, как маятник. Мальчишка стал тоже синхронно пошатываться, стараясь попасть головой в шляпу.

— Не балуйся! — сказал рабочий. — Стой прямо!

— А что, если попробовать взрослую голову? — предложил я.

— Попробуйте, — поддержал врач.

— Неудобно... Я кандидат наук, — вздохнул я. — Может, вы?

— Ну я тоже... в очках. Может, вы станете под шляпу? — спросил он рабочего.

— Мы на работе, — не согласился тот.

Шляпа вела себя неровно, как пьяная. То покачивалась, то вибрировала. Был момент, что она уже садилась на голову, да съехала по уху.

Мы спорили: отчего она так? Рабочий предположил, что шляпа просто мала мальчишке по размеру. Врач сказал, что дело не в этом: голова у мальчишки эллипсоидная. А я утверждал, что при таком ветре, будь она хоть кубическая...

— Для чего они это делают? — спросила проходящая женщина.

— Да время убивают, — усмехнулся я.

— Бездельники, — подтвердил рабочий.

— Вообще-то мне на работу. У меня ее, как снега в марте, — сказал я врачу.

— Меня тоже больные ждут, — посмотрел он на часы. — Сейчас уже все равно обед, так что давайте досмотрим!

— Конечно, уж досмотрим, — подтвердил рабочий с куском трубы. И покосился на капитально разрушенный дом.

г. Ленинград.

Рисунок В. ГОРЯЕВА

— Что же это? Я тебя только что принял, а ты уже уходишь!

В понедельник ровно в 8 часов утра меня охватило желание сделать мотоцикл. Своими руками. С начала и до конца. Я тут же зажал в тиски кусок стали, взял грубый напильник и принялся точить. Комната мгновенно наполнилась скрежетом. Первым вышел из равновесия инженер Кипятков.

— Лева, ты мне действуешь на нервы, — задушевно сказал он. — Кончай эту музыку.

Я хладнокровно продолжал точить.

— Ножик мастеришь или так — делать нечего? — поинтересовался Кипятков.

— Шестеренку для зубчатой передачи, — признался я. — Мотоцикл хочу сделать.

— Безумец! В мотоцикле тысяча деталей, — не отставал Кипятков. — Тебе же года не хватит!

— Подумаешь, — сказал я, продолжая точить. — Вон Кира Захаровна пять лет кофты вяжет — и ничего, не устала.

Кира Захаровна зарделась и спрятала вязание в письменный стол.

— Лева, прекрати скрежет! — запротестовали все. — От твоей затеи мурашки по телу забегали. Выбрал бы увлечение потише.

— Может, прикажете к Редкобородову присоединиться и вырезать из поролона игрушки? — обиделся я.

Редкобородов оставил ножницы, ухмыльнулся и торжественно показал всем трех зайцев, которых он только что сделал для своих близнецов.

— Лева, ты нас не понял, — продолжал Кипятков. — Огибалов, например, карманный приемник собирает для тестя, и ты бы мог.

— Для тестя он уже собрал, — поправил я, продолжая точить. — Теперь для племянницы делает.

— Племянница уже получила, — вмешался Огибалов. — Это я для двоюродной сестры.

Внезапно задвигались ящики столов, и в комнате воцарилось молчание. Тишину нарушал только скрежет моего напильника. Около моего стола возникла фигура Семена Семеновича.

— Что это вы, Лев Александрович, точите? — спросил начальник.

— Пустяки, — сказал я. — Мотоцикл хочу собрать. Между делом...

г. Ленинград.

Вл. ЛИФШИЦ

Ерема и Фома

Хотел сознательный Ерема
Дождаться у Фомы приема,
Но несознательный Фома
Был от хоккея без ума.

Три дня сознательный Ерема
Фоме готовил матерьял,
Но не дождался он приема,
Зря только время потерял.

Над папкою впадая в дрему,
Ерема долго ждал Фому,
Но не позвал Фома Ерему.
А почему? А потому,
Что, дисциплине вопреки,
Фома умчался в Лужники...

Скажу вам честно,
глаз не пряча,
Что хоть не я тому виной,
Но очень трудная задача
Стоит сейчас передо мной.

Как с этим, спросят,
нам бороться?
Хоккей ли запретить
придется?
Иль, может,
Лужники закрыть?
Нет, я не знаю, как тут быть...

Только час

Предупредить хочу заране,
Что не разыгрываю вас...
В одном столичном ресторане
Мной был потрачен
только час.
Да, только час!
Даю вам слово.
Вы не ослышались, друзья.
Охотно повторю вам снова,
Что только час потратил я.
И вам поверить не мешало б,
А не корить, что лгать —
позор...
Мне час искали книгу жалоб.
Нашли. Я счастлив до сих пор.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Крокодильские частушки

**Время! Что за вещество!
Так и тает, тает...
И все время мне его
очень не хватает.**

**Ждал я друга ровно в два,
в пять пришел тетеря.
Значит, другу трын-трава
времени потеря.**

**Под сосной сидит Филат,
шибко чешет темя:
— Как бы сделать,
чтоб назад
повернулось время!**

**Зоя учится не бойко,
Зоя учится на двойки,
Зоя зрела-вызрела
возле телевизора.**

**Опоздал экспресс в итоге.
Почему! Да потому,
что водитель-кум в дороге
повстречал свою куму.**

**Просто нету мочи ведь
становиться в очередь,
а завмагу кажется,
что народ куражится.**

**И товар не подгулял,
и хорош прилавок,
если бы за ним стоял
не лентяй вдобавок.**

**Резолюцию три дня
ждал я... Не пора ли
объявить, что у меня
все три дня украли!**

**Время! Что и говорить,
вновь по первопутку
я хотел бы повторить
хоть одну минутку!**

ИКД

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

И вот опять ИКД — наш, ставший уже традиционным отдел консультаций для медлительных и нетороплнвых. На этот раз он составлен по темам, подсказанным читателями П. Трофимовым (Саранск), В. Тарасенко (пос. Луганское, Донецкой области), Е. Станкевичем (г. Нелидово, Калининской обл.), В. Садовым (совхоз «Виноградарь», Краснодарского края), М. Баргманом (г. Ташкент).

Согласитесь, что сидеть три-четыре часа подряд, склонившись над скучными сводками-простынями,— утомительнейшее занятие. Хочется разогнуться, размяться, рассеяться... Но как это сделать?

Выходите в коридор, найдите такого же мученика, как вы, и начинайте прогуливаться. Беседуя, естественно, на интересную тему. Ну, хотя бы о воскресной рыбалке.

— Понимаешь, с утра, как пробили мы лунки, брал все ершишка. Просто отбоя от него нет. Хотел я уже место менять и вдруг — поклевка. Подсек и чувствую неподъемную тяжесть. Что делать? О п я т ь э т о т р а с т е р я х а И в а н о в з а б ы л п р е д с т а в и т ь я н в а р с к у ю с в о д к у. Кляну это я, значит, растеряху-сына, который опять не положил в ящик багорчика, а сам ни жив ни мертв. Леска у меня тонкая, как паутинка, того и гляди оборвется. Подматываю ее тихонько, а сам кричу: «П е т р о в, у т е б я н е т л и д а н н ы х з а я н в а р ь?» Кричу то есть соседу, не одолжит ли багорчика. Тот и выручил. Вытянул я леща, а в нем полтора килограмма...

И так далее. Как вы уже, вероятно, догадались, фразы, набранные вразрядку, нужно произносить, поравнявшись с кабинетом заведующего вашим сектором. Дверь в кабинете тонкая, и через нее слышно все, о чем говорят сотрудники, проходя по коридору.

Две-три таких прогулки — и рабочие часы пролетят совершенно незаметно.

Вы слесарь-водопроводчик жэка. Возиться весь день с водяными бачками и душевыми стояками или сидеть в конторе, ожидая вызова, скучно. Хочется узнать, как идет торговля в окрестных магазинах, и поинтересоваться, не завезли ли в ближайшую палатку пиво. Можно ли отлучиться с поста?

Можно. Но только при одном условии: никогда нельзя расставаться с разводным ключом. Он всегда должен быть у вас в руках, даже если вы направляетесь за угол дома, чтобы поболтать со знакомой мороженщицей. Раз инструмент при вас — значит, вы при деле. И даже если вас встретит техник-смотритель и спросит:

**— Куда пошел? —
смело отвечайте:
— По точкам.**

Ведь ему и в голову не придет, что можно ходить по торговым и питейным точкам с разводным ключом.

Жена села за швейную машину, а вас послала на кухню:

— Пока я шью, почисть рыбу.

И хотя вы только что с наслаждением погрузились в чтение свежего номера «Огонька», не перечьте. Покорно идите на кухню и продолжайте читать «Огонек» там. Но время от времени возмущенно вскрикивайте:

— Брысь! Отвяжись, проклятая!

Жена услышит эти выкрики и подумает, что вы занялись разделкой карпов, а кошка, раздраженная запахом свежей рыбы, мешает вам.

Так, имитируя возмущение, вы наверняка выиграете полчаса спокойного отдыха.

Когда все сотрудники учреждения аккуратно сидят за своими столами «от и до», трудно кого-нибудь из них выделить и поощрить. Поэтому возьмите за правило два-три раза в неделю задерживаться на работе хотя бы на 20—30 минут. Наверняка это заметят и доложат начальству:

— Вот это работник!

Благодарность в приказе, а может, даже и денежная премия вам обеспечены.

КРОКОДИЛ

№ 9 (1983)

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, М. Битный, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, И. Сычев, В. Тильман, Ю. Федоров, Е. Шабельник.

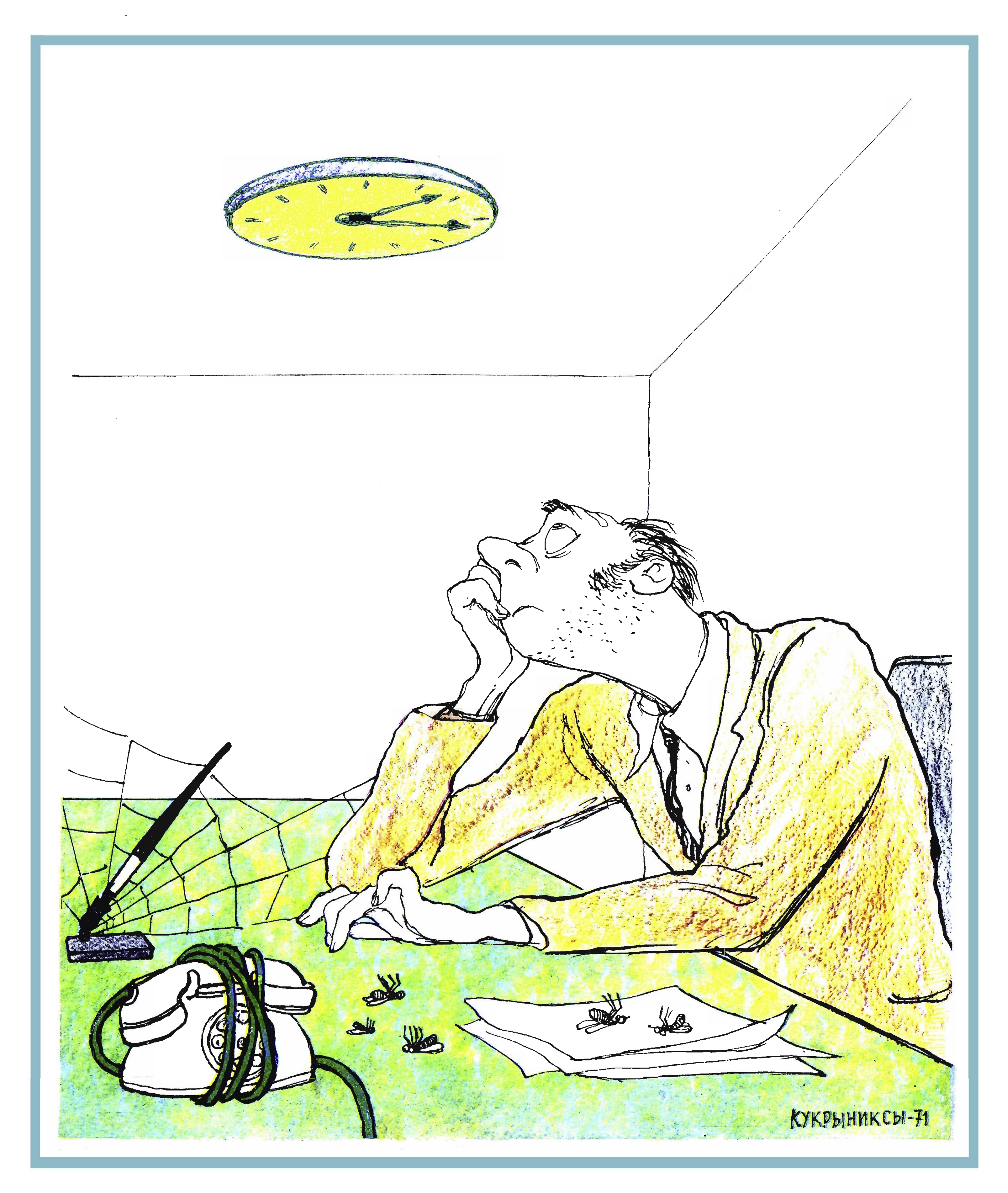
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 10/III 1971 г, А 00859. Подписано к печати 19/III 1971 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч-изд. л. Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. Правды, 24. Отпечатано в ордена Ленина комбинате печати издательства «Радянська Україна», г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94. Тираж 5.010.000 (2 завод: 3.640.101—4.133.800). Заказ № 01832.

Цена номера 15 коп. Индекс 70448

— Теперь не скажут, что на работе я бессмысленно гляжу в потолок!

Рисунок КУКРЫНИКСЫ